

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ П. И. ЩУКИНА *).

Въ Декабрѣ 1878 года отецъ основалъ торговый домъ подъ фирмой: „И. В. Щукинъ съ Сыновьями“, принявъ братьевъ моихъ, Николая и Сергѣя, и меня въ качествѣ товарищей. Торговали мы попрежнему на Чижовскомъ подворьѣ, а въ 1878 году сняли еще другую лавку въ Юшковомъ переулкѣ и Шуйскомъ подворьѣ, въ домѣ Московскаго Купеческаго Общества.

До смерти отца жилъ я въ его домѣ, бывшемъ Толмачевой, на углу Пречистенки и Лопухинскаго переулка.

На Пречистенкѣ, почти напротивъ насъ, жилъ въ своемъ домѣ Владиміръ Дмитріевичъ Коншинъ. Въ этомъ домѣ мнѣ приходилось бывать; между прочимъ я присутствовалъ тамъ на свадьбѣ дочери Владимира Дмитріевича—Прасковьи Владимировны, вышедшей замужъ за Анатоля Ильича Чайковскаго, бывшаго впоследствии Нижегородскимъ вице-губернаторомъ. Свадьба была съ генералами, военными и статскими, до которыхъ Владиміръ Дмитріевичъ былъ большой охотникъ. Владиміръ Дмитріевичъ былъ всегда одѣтъ съ иголочки и тщательно выбритъ. Мы называли его между собой „лордомъ Биконсфильдомъ“. Въ роскошно убранныхъ комнатахъ, которыя занималъ Владиміръ Дмитріевичъ, кромѣ громадной книги „Коронація императора Александра II“, съ хромофотографированными картинками, было полное отсутствіе какихъ-либо книгъ, а изъ газетъ, кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, не видать другихъ. Свой домъ со всей обстановкой Владиміръ Дмитріевичъ потомъ продалъ Вѣрѣ Ивановнѣ Фирсановой за триста тысячъ рублей, а самъ переѣхалъ въ Большой Знаменскій переулокъ, въ домъ моего отца, купленный у князя Трубецкаго.

---

*) Съ позволенія достоуважаемаго Петра Ивановича Щукина, извлечено изъ X-го выпуска его „Сборника“, который издается имъ для немногихъ. П. Б.

На Пречистенкѣ же, ближе къ Пречистенскому бульвару, жилъ въ своемъ домѣ толстякъ, кавалергардскій офицеръ, Лихачевъ, который часто катался по Пречистенкѣ въ шарабанѣ, вмѣстѣ съ красивой Кронбергъ, бывшей Петербургской актрисой. Лихачевъ былъ однимъ изъ усердныхъ посѣтителей „Салона де Варьетэ“, на Большой Дмитровкѣ, который содержалъ какой-то Кузнецовъ, и гдѣ иногда на ночь составлялось до десяти полицейскихъ протоколовъ. Разскащикъ Гинцбургъ завѣдывалъ въ „Салонѣ“ репертуарной частью и самъ выступалъ на сценѣ. Получая въ банкирской конторѣ Ценкера деньги, Гинцбургъ всегда приглашалъ г-дъ Ценкеровъ въ „Салонъ“, говоря, что тамъ бываетъ „Seine Excellenz Herr Lichatscheff“.

Вслѣдствіе разстройства дѣлъ у Лихачева, домъ его былъ проданъ вдовѣ Михаила Алексѣевича Хлудова—Вѣрѣ Александровнѣ¹⁾. М. А. Хлудова я немного знавалъ; онъ былъ пріятелемъ генерала Михаила Григорьевича Черныяева и сопровождалъ его въ Туркестанскомъ походѣ. Съ Михаиломъ Алексѣевичемъ встрѣтился я дважды: разъ ѣхалъ съ нимъ изъ Петербурга въ Москву, другой разъ—изъ Турина въ Моданъ. Изъ Туркестана М. А. Хлудовъ привезъ молодого тигра, котораго держалъ у себя въ комнатахъ на свободѣ.

Далѣе, на Волконкѣ, въ домѣ князя Сергѣя Михайловича Голицына, находился музей, входъ въ который былъ со стороны нынѣ несуществующаго „Колымажнаго двора“, гдѣ помѣщалась пересыльная тюрьма²⁾. Въ нижнемъ этажѣ Голицынскаго дома жилъ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ съ женой (урожденной графиней Капнистъ), а въ верхнемъ этажѣ помѣщался музей, учрежденный по мысли покойнаго князя Михаила Александровича Голицына³⁾ и открытый для публики въ 1865 году⁴⁾. Директоромъ музея состоялъ старичекъ, Нѣмецъ, докторъ медицины Карлъ Марковичъ Гюнцбургъ. Съ нимъ я познакомился. К. М. Гюнцбургъ, служившій въ прежнее время врачомъ у Голицыныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, былъ человекъ очень начитанный, философски образованный, знавшій Нѣмецкій, Русскій, Латинскій,

¹⁾ Теперь домъ Морица Филиппа.

²⁾ Въ настоящее время на мѣстѣ „Колымажнаго двора“ выстроены Музей изящныхъ искусствъ.

³⁾ Кн. М. А. Голицынъ былъ посланникомъ въ Мадридѣ; родился въ Москвѣ 12 Мая 1804 года, умеръ въ Монпелье, 17 Марта 1860 года.

⁴⁾ Музей этотъ былъ высочайше утвержденъ, и его не слѣдовало упразднить, въ чемъ причиненъ покойный предводитель Московскаго дворянства, графъ А. В. Бобринскій, дѣйствовавшій изъ опасенія, чтобы Музей не достался Французамъ, которые предлагали за него сыну основателя князю С. М. Голицыну 800 тысячъ рублей и уже получили на то согласіе. П. Б.

Древне-греческій, Французскій и Англійскій языки. Гюнцбургомъ были написаны и изданы:

1) „Catalogue des livres de la bibliothèque du prince Michel Calitzin rédigé d'après ses notes autographes, par Ch. Cunzbourg“. (Moscou, 1866).

2) Краткое описаніе Голицынскаго музея подъ заглавіемъ „Московскій Голицынскій музей въ 1866 году“. (М. 1867).

3) „Указатель Голицынскаго музея“. (М. 1869).

и 4) „Основы умственнаго воспитанія и обученія въ связи съ психологіей и логикой“. (М. 1880).

Голицынскій музей былъ открытъ для посѣтителей по Средамъ и Воскресеньямъ, съ 12-ти до 4-хъ часовъ дня. Внизу при входѣ встрѣчалъ посѣтителей швейцарь въ красномъ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ. По красивой лѣстницѣ поднимались во второй этажъ, гдѣ въ пяти залахъ были размѣщены старинныя картины разныхъ школъ, античныя произведенія изъ мрамора, бронзы и обожженной глины, старинныя серебряныя вещи, фаянсъ, фарфоръ, часы, эмали, миниатюры, камеи, геммы, медали, монеты и т. д. Помню, на стѣнахъ висѣли два большихъ чудеснѣйшихъ гобелена, на коихъ, по рисункамъ Детруа, были изображены сцены изъ Ветхаго Завѣта: Эсфирь и Агасферъ. Съ боку на коврахъ были двѣ надписи: „Fait par Detroit à Rome 1793“; внизу: „Cazotte 1763“. Находившіяся въ музеѣ двѣ парныя вазы изъ слоновой кости съ бронзой въ стилѣ Людовика XVI, тончайшей работы, когда-то принадлежали Маріи-Антуанеттѣ, ибо на нихъ имѣлся шифръ этой несчастной королевы. Библіотека, помѣщавшаяся въ отдѣльной залѣ, заключала въ себѣ драгоцѣнныя библіографическія рѣдкости.

Голицынскій музей былъ въ сущности небольшой, но все, что въ немъ заключалось, было дѣйствительно прекрасно. Всѣ предметы, собранные княземъ Михаиломъ Александровичемъ Голицынымъ, указывали на его вкусъ и знанія.

Сынъ его князь С. М. Голицынъ продалъ въ 1886 году въ Петербургъ всѣ свои коллекціи за относительно незначительную сумму (восемьсотъ тысячъ рублей) и тѣмъ лишилъ Москву прекраснаго музея, обогативъ и безъ того богатые Императорскій Эрмитажъ и Императорскую Публичную Библіотеку. Теперь не увидишь ни въ одномъ Московскомъ музеѣ такихъ чудныхъ гобеленовъ, такого Северскаго фарфора и многихъ другихъ вещей, какія находились въ Голицынскомъ музеѣ. Прошло 25 лѣтъ какъ закрылся этотъ музей, и объ его существованіи большинство успѣло забыть. Только въ „Русскомъ Календарѣ“ Суворина изъ года въ годъ продолжаютъ печатать (см. Суворинскій календарь за 1911-й годъ, стр. 347), въ какіе дни и часы Голицынскій музей открытъ для посѣтителей, когда и самъ-то домъ не принадлежитъ

болѣе князю Голицыну, а Училищу Живописи, Ваянія и Зодчества¹⁾. Нѣтъ въ живыхъ и устроителя Голицынскаго музея, добрѣйшаго Карла Марковича Гюнцбурга.

Живя за границей, я собиралъ Нѣмецкія и Французскія книги, фотографіи актрисъ, актеровъ, писателей, ученыхъ, военныхъ, коммунистовъ и др. Возвратясь въ Москву, сталъ я также собирать гравюры, литографіи и рисунки. Такимъ образомъ у меня составилось значительное собраніе гравюрокъ лучшаго Нѣмецкаго иллюстратора книгъ XVIII в., Данила Ходовецкаго, офортонъ и рисунковъ Фелисіена Ропса и литографій Гаварни, Греведона, Буали и другихъ, XIX в.

Разъ съ братомъ Николаемъ, по рекомендаціи дяди П. Л. Пикулина, поѣхали мы къ старичку Константину Ивановичу Лапкову, жившему въ Лефортовскомъ дворцѣ, на квартирѣ капитана Дарагана, и купили у него: „Le Temple de Salomon“, изд. 1772 года, съ прелестными гравюрами съ рисунковъ Eisen'a, за десять рублей; четыре тома in-4 „Метаморфозъ Овидія“, изд. 1767—77 г., во Французскомъ переводѣ аббата Баньё, со множествомъ гравюръ, за сорокъ рублей; двѣ серіи Gustave Moreau le Jeune, миниатюру на кости, представляющую Нимфу и Сатира, писанную Прудономъ, гравюры Гогарта XVIII в., и еще нѣсколько старинныхъ книгъ и гравюръ.

Потомъ купилъ я въ Столешниковомъ переулкѣ у антикварія, Француза Давида, прежде торговавшаго пивомъ (Трехгорнаго завода²⁾) два тома „Pierres gravées du duc d'Orleans“, въ красныхъ сафьянныхъ старинныхъ переплетахъ, экземпляры замѣчательной сохранности, за сорокъ рублей. У врача Михаила Осиповича Вивьена былъ купленъ мною прекрасный оттискъ портрета Боссюэта, гравированный Петромъ Древе (Drevet) въ 1723-мъ году, за пятнадцать рублей. Этотъ портретъ можно считать шедевромъ гравировальнаго искусства.

Черезъ К. М. Гюнцбурга купилъ я собраніе маленькихъ томиковъ изданія Cazin XVIII в. и прекрасное Келевское изданіе Beaumarchais „Свадьба Фигаро“, съ пятью картинками Saint-Quentin.

Въ Москвѣ одновременно со мной собирали книги и гравюры нѣкоторые знакомые: Н. С. Мосоловъ, Н. В. Баснинъ, Н. Г. Егоровъ,

¹⁾ Въ Суворинскомъ „Русскомъ Календарѣ“ на 1912 годъ Голицынскій Музей наконецъ-то не указанъ, но Богинская картинная галерея въ Москвѣ, уже нѣсколько лѣтъ несуществующая, все еще приводится.

²⁾ Нѣкоторые изъ Московскихъ антикваріевъ, прежде тѣмъ сдѣлались таковыми, занимались совсѣмъ другими дѣлами: такъ, антикварій Черномордикъ былъ канторомъ въ синагогѣ Л. С. Полякова, Парфеновъ — оберъ-кондукторомъ, Абрамовскій — бухгалтеромъ въ конторѣ Шлезингера.

С. С. Шайкевичъ, И. М. Остроглазовъ, В. С. Абакумовъ и В. К. Вульфертъ.

Николай Семеновичъ Мосоловъ, учившійся гравировальному искусству у Фламенга въ Парижѣ, самъ хорошій офортистъ. Его болѣе извѣстная и крупная работа—офорты съ картинъ Рембрандта, находящіяся въ Петербургѣ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ. У самого Николая Семеновича замѣчательное собраніе старинныхъ офортовъ, Нѣмецкихъ и въ особенности Голландскихъ мастеровъ. Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, онъ собиралъ также книги XVIII в. съ гравюрами.

Присяжный повѣренный Николай Васильевичъ Баснинъ (тоже еще здравствующій) собиралъ преимущественно гравюры XVIII ст.

Нынѣ покойный Николай Георгіевичъ Егоровъ служилъ цензоромъ въ иностранномъ отдѣленіи цензуры, помѣщавшемся тогда въ Шереметевскомъ переулкѣ. Н. Г. Егоровъ, человекъ одинокій, жилъ въ Антипьевскомъ переулкѣ, въ домѣ Созановича, гдѣ занималъ небольшую квартиру. Онъ былъ цензоромъ. Егорову приходилось просматривать массу иностранныхъ изданій, между коими встрѣчалось много роскошныхъ. Николай Георгіевичъ пристрастился къ послѣднимъ и сталъ покупать Французскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX в., тратя на нихъ большую часть своихъ средствъ. Приобрѣтаемыя книги Егоровъ посылалъ обыкновенно въ Парижъ, откуда онъ возвращались въ дорогихъ переплетахъ. Свои книги Егоровъ держалъ въ шкафахъ, тщательно завернутыми въ бумагу. Впослѣдствіи Егоровъ былъ отдѣльнымъ Русскимъ цензоромъ, а его мѣсто въ иностранной цензурѣ занялъ Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ, съ которымъ я тоже познакомился. По смерти Егорова¹⁾, его небольшое, но прекрасное книжное собраніе было продано въ 1907 году наслѣдниками Московскому книготорговцу П. П. Шибанову.

Присяжный повѣренный Самуилъ Соломоновичъ Шайкевичъ сразу приобрѣлъ большую часть извѣстной Власовской²⁾ коллекціи гравюръ (небольшая ея часть находилась въ Голицынскомъ музеѣ) и затѣмъ сталъ ее пополнять. Между прочимъ Самуилъ Соломоновичъ перевелъ съ Нѣмецкаго на Русскій извѣстное руководство по собиранію гра-

¹⁾ Н. Г. Егоровъ родился въ 1839 году; умеръ 25 Декабря 1902 года. Это правнукъ княгини Е. Р. Дашковой. П. Б.

²⁾ Власовъ былъ небогатый помѣщикъ, но имѣлъ вкусъ богатаго. Богачъ князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій предложилъ ему руку своей хромой дочери, на которой Власовъ женился и сталъ рьянымъ коллекционеромъ. Чего только у Власова не было! И старинныя картины, и миниатюры первоклассныхъ художниковъ, и гравюры, и книги, и табакерки и фарфоръ, и бронза и т. д. Въ концѣ концовъ Власовъ разорился, и одна часть его собранія была продана съ аукціона, а другая разыграна въ лотерею.

вюръ Вессели. Наживъ адвокатской практикой хорошее состояніе и продавъ свой домъ въ Полуэктовскомъ переулкѣ, Шайкевичъ переселился въ Парижъ, гдѣ и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Судьба его коллекціи гравюръ осталась мнѣ неизвѣстна.

Товарищъ прокурора Московской судебной палаты Иванъ Михайловичъ Остроглазовъ жилъ въ своемъ домикѣ на Бутыркахъ. При домикѣ былъ садъ, въ которомъ росло много ягодъ. Въ этомъ саду Иванъ Михайловичъ показывалъ мнѣ свое собраніе Русскихъ гравированныхъ портретовъ. Онъ собиралъ также Русскія книжныя рѣдкости. У него видѣлъ я Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, „Вадима Новгородскаго“, самое миниатюрное изданіе басенъ Крылова и другія рѣдкія книги. Иванъ Михайловичъ перешелъ потомъ на службу въ Тулу, гдѣ и умеръ предсѣдателемъ Окружнаго Суда. Зналъ я также пріятеля Остроглазова, Кирилла Александровича Нарышкина. Остроглазовъ покупалъ вещи у антикварныхъ торговцевъ обыкновенно вмѣстѣ съ Нарышкинымъ, держась слѣдующаго правила: когда Остроглазовъ торговалъ какую-нибудь вещь, Нарышкинъ всегда находилъ въ ней недостатки и не совѣтовалъ покупать, чѣмъ смущалъ торговца, который поэтому невольно уступалъ въ цѣнѣ. По смерти Ивана Михайловича, его собраніе книгъ было продано Николаю Павловичу Рогожину, затѣмъ оно перешло къ сыну послѣдняго Владимиру Николаевичу. Въ настоящее время собраніе И. М. Остроглазова вмѣстѣ съ Рогожинской бібліотекой составляетъ собственность Московскаго Историческаго Музея. Свое собраніе гравированныхъ портретовъ Иванъ Михайловичъ распродалъ еще при жизни.

Товарищъ предсѣдателя Московскаго Окружнаго суда Владимиръ Сергѣевичъ Абакумовъ собиралъ гравюры и автографы. По смерти Владимира Сергѣевича, согласно его волѣ, гравюры поступили въ Нижегородскій музей*), помѣщающійся въ Нижнемъ-Новгородѣ въ одной изъ Кремлевскихъ башенъ, а автографы были розданы душеприкащикомъ В. К. Вульффертомъ пріятелямъ покойнаго. Такимъ образомъ нѣсколько автографовъ, какъ-то: Нижегородскаго губернатора Одинцова, игуменьи Митрофаніи (баронессы Розенъ), адвоката Ѳ. Н. Плевако и другіе достались мнѣ.

Членъ Московской судебной палаты Владимиръ Карловичъ Вульффертъ, бывшій раньше мировымъ судьей, собиралъ преимущественно рѣдкія книги, автографы и курьезныя объявленія и печатки. Вульффертъ занимался переводами и кое-что написалъ, между прочимъ

*) В. С. Абакумовъ началъ свою службу въ Нижегородскомъ окружномъ судѣ.

интересный рассказъ „Вальдшнепъ“¹⁾). Вдова Владимира Карловича передала въ Московскій Историческій Музей всѣ неимѣвшіяся въ Музее, большею частію очень рѣдкія, книги.

Не могу обойти молчаніемъ еще одного библіофила, котораго хотя и не знавалъ лично, но часто встрѣчалъ у букинистовъ, а именно потомственнаго почетнаго гражданина Федора Федоровича Мазурина. Всегда угрюмый и плохо одѣтый, онъ по цѣлымъ днямъ рылся въ книжныхъ лавкахъ, при чемъ иногда незамѣтно вырывалъ изъ рѣдкой книги листъ или два, чтобы ее обезцѣнить и купить подешевлѣ, а при случаѣ даже и воровалъ книги. Мазуринъ покупалъ книги въ долгъ и постепенно платилъ. Будучи страстнымъ любителемъ книгъ, онъ обладалъ большими библіографическими познаніями. Жилъ Федоръ Федоровичъ въ своемъ домѣ, окруженный котами и кошками, коихъ называлъ по имени и отчеству и съ коими не брезгалъ ѣсть изъ одной посуды. За котами и кошками ухаживали жившія у него въ домѣ старушки. Свои книги Федоръ Федоровичъ держалъ не въ шкафахъ, а въ сундукахъ. Мазуринъ, видя расточительность своей матери на украшеніе церквей и не будучи въ состояніи сдѣлать ей замѣчанія по мягкости своего характера, самъ наложилъ на себя опеку. Опекунами его были: Василій Алексѣевичъ Бахрушинъ и Михаилъ Алексѣевичъ Чернышевъ. По смерти Мазурина²⁾ опекуны передали его цѣнное собраніе печатныхъ книгъ и рукописей въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Домъ моего отца въ Лопухинскомъ переулкѣ былъ купленъ у Толмачевой за очень дорогую цѣну³⁾ значительно бѣльшую, чѣмъ онъ

1) Вотъ списокъ печатныхъ трудовъ В. К. Вульфберта, любезно сообщенный мнѣ Алексѣемъ Ивановичемъ Станкевичемъ:

I) Стихотворенія: 1) „Къ утренней зарѣ“. Подражаніе Овидію. 2) Отрывокъ „Разговоръ Фауста съ Мефистофелемъ“. 3) „Царь Рустемъ“. Восточное преданіе. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1880 года, Августъ.

II) „Вальдшнепъ“. Рассказъ холостяка. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1882 года, Августъ.

III) „Тяжба Гоголя подъ цензурою Дуббельта“. Въ Русскомъ Архивѣ“ 1887 года, II, стр. 256.

IV) „Двадцатипятилѣтіе Московскихъ столичныхъ судебно-мировыхъ учрежденій 1866—1891 г.г.“ Москва, 1891. Отдѣльною книгою.

Въ письмѣ В. И. Солдатенкова (изъ Кунцева, отъ 15 Сентября 1883 г.) говорится еще о комедіи, написанной В. К. Вульфбертомъ: „. . . . у насъ, пишетъ Солдатенковъ, предполагается устроить домашній спектакль: пойдутъ двѣ пьесы: „Горацій и Лидія“, комедія въ 1 дѣйствіи моего пріятеля Вульфберта“. . . . .

2) Ф. Ф. Мазуринъ умеръ 23 Декабря 1898 года, родился 21 Мая 1845 года.

3) Домъ былъ купленъ съ мебелью за 250 тысячъ рублей. Кромѣ того отцу пришлось платить за купчую. По смерти отца наследники съ трудомъ могли продать этотъ домъ безъ мебели, за сто тысячъ рублей, Л. С. Полякову.

дѣйствительно стоилъ. Толмачева, при продажѣ дома, сумѣла отца, какъ говорится, обставить. Домъ имѣлъ форму буквы Г и былъ каменный трехэтажный. При домѣ имѣлись: садъ, небольшая оранжерея и службы. Въ саду отецъ выстроилъ деревянную бесѣдку. Въ нижнемъ этажѣ дома находились: комнаты для прислуги, чайная конторщиковъ и кухня, настолько большая, что въ ней во время вечеровъ пятнадцать поваровъ свободно готовили ужинъ. Какъ въ нижнемъ, такъ и во второмъ этажѣ всѣ комнаты были низкія и всѣ окна второго этажа полукруглыя*). Во второмъ этажѣ находились столовая, буфетная, комнаты моихъ сестеръ и старшихъ братьевъ, моя комната, комната гувернантки, комната прислуги и контора.

Во второй и третій этажи вела парадная чугунная бронзированная лѣстница. Биллиардная находилась въ сторовѣ отъ всѣхъ другихъ комнатъ; изъ передней въ биллиардную надо было подниматься по деревянной винтовой лѣстницѣ. Въ третьемъ этажѣ жили отецъ, мать и два младшихъ брата, Владимиръ и Иванъ, съ пожилой Нѣмкой Эммой Карловной Крузе. Всѣ комнаты третьяго этажа были высокія, причемъ парадныя—богато отдѣланы и роскошно меблированы. Потолокъ въ большомъ, родѣ залы, отцовскомъ кабинетѣ былъ красный съ бѣлыми съ золотомъ лѣпными орнаментами. Мебель въ двухсвѣтной залѣ была обита желтымъ шелковымъ штофомъ, и изъ такого же штофа были драпировки на окнахъ и дверяхъ. Изъ залы черезъ арку входили въ гостиную, стѣны и золоченая мебель которой были обиты пунцовой шелковой матеріей. За пунцовой гостиной слѣдовала голубая шелковая гостиная, затѣмъ бѣлый атласный будуаръ и спальня матери. Всѣ эти четыре комнаты составляли одну анфиладу. Въ корридорѣ третьяго этажа на потолокъ и карнизахъ была хорошая фресковая живопись Итальянской работы; между прочимъ были написаны тигры. Въ третій этажъ вела еще деревянная лѣстница, а изъ второго этажа въ нижній—каменная (черная).

Отецъ, человекъ хлѣбосольный, любилъ приглашать къ обѣду гостей, но не любилъ, если кто самъ напрашивался на обѣдъ. Такъ, помню, разъ Константинъ Августиновичъ Тарновскій сказалъ отцу: „въ Четвергъ я приду къ вамъ обѣдать“, на что отецъ отвѣтилъ: „мы будемъ вамъ очень рады, но только насъ дома не будетъ“.

Изъ ближайшихъ родныхъ чаще другихъ обѣдалъ у насъ дядя Павелъ Петровичъ Боткинъ, служившій прежде въ Петербургѣ, въ

*) Толмачевъ былъ откупщикъ, и въ его домѣ помѣщался винный складъ, чѣмъ и объяснялись имѣвшіяся во второмъ этажѣ полукруглыя окна. Третій этажъ надстроили уже потомъ. Во время коронаціи императора Александра II, въ домѣ Толмачева стоялъ Австрійскій посланникъ Эстергази.

какомъ-то департаментѣ, а потомъ вышедшій въ отставку и переселившійся въ Москву. Павелъ Петровичъ, старый холостякъ, былъ страстный любитель балета и оперы и поклонникъ прекраснаго пола. Неуклюжій, лѣнивый, съ бритымъ обрюзглымъ лицомъ, онъ напоминалъ Католическаго священника. Однажды гдѣ-то въ Испаніи его не пустили на балъ, принявъ за патера. Несмотря на свои ограниченныя средства, Павелъ Петровичъ много тратилъ на подарки актрисамъ, что не мѣшало имъ водить его за носъ. О своихъ неудачахъ съ красивыми дамами онъ откровенно и наивно рассказывалъ. Напримѣръ, попросить его какая-нибудь изъ нихъ сопровождать ее на балъ; Павелъ Петровичъ закажетъ букетъ, найметъ карету и вмѣстѣ съ дамой поѣдетъ на балъ. Но едва взойдутъ они въ залу, какъ подбѣжитъ гвардейскій офицеръ и уведетъ ее, а Павелъ Петровичъ останется при пиковомъ интересѣ и опечаленный вернется домой. Павелъ Петровичъ былъ, можно сказать, живыми святыми: помнилъ всѣ дни празднованій Русскихъ святыхъ.

Изъ двухъ Боткинскихъ семей, Петра и Дмитрія Петровичей, отецъ былъ ближе ко второй. Поэтому и наши общенія съ семьей Дмитрія Петровича были чаще. Дмитрій Петровичъ Боткинъ жилъ съ женой Софьей Сергѣевной (рожденной Мазуриной), дочерью Елисаветой и тремя сыновьями Петромъ, Сергѣемъ и Дмитріемъ, въ своемъ домѣ, на Покровкѣ, которую въ насмѣшку онъ называлъ: „наша rue de la Paix“. Человѣкъ съ большимъ вкусомъ, Дмитрій Петровичъ собралъ замѣчательную картинную галерею иностранныхъ художниковъ, которая, къ сожалѣнію, въ настоящее время наследниками частью продана, а частью увезена изъ Москвы. По Воскресеньямъ у Дмитрія Петровича бывали обѣды съ гостями зимой на Покровкѣ, а лѣтомъ въ Кунцевѣ на его дачѣ. Бывали у него въ Московскомъ домѣ также балы и маскарады. Вообще семья Дмитрія Петровича отличалась радушіемъ и гостепріимствомъ.

Петръ Петровичъ Боткинъ, глава чайной фирмы „Петра Боткина Сыновей“, жившій на Маросейкѣ въ Петро-Веригскомъ переулкѣ, бывалъ у насъ рѣдко, какъ и его три дочери, Анна, Надежда и Вѣра; а супруга Петра Петровича Надежда Кондратьевна (урожденная Шапошникова) и совсѣмъ у насъ не бывала, да и вообще въ гости никуда не ѣздила. Братъ и я дѣлали визиты семьѣ Петра Петровича только въ первый день Рождества и Пасхи. Въ эти высокаторжественные дни у Петра Петровича бывали всегда семейные обѣды, на которыхъ присутствовали близкіе родственники и Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ. Въ концѣ обѣда, когда еще никто не выходилъ изъ за стола, Иванъ Ѳедоровичъ медленно поднимался со стула и, опершись руками о столъ, начиналъ какой-нибудь рассказъ.

Дядя Владимиръ Петровичъ Боткинъ, женатый на Аннѣ Ефимовнѣ Гучковой, былъ человѣкъ атлетическаго сложенія. Жилъ онъ съ семьей на дачѣ въ Сокольникахъ, гдѣ однажды захворалъ бѣлой горячкой, сталъ буйствовать, почему былъ связанъ и скоро умеръ, еще въ молодыхъ лѣтахъ. Мы съ отцомъ пріѣхали въ Сокольники, когда Владимиръ Петровичъ лежалъ уже мертвый, и у воротъ дачи толпились гробовщики. Потомъ пріѣхалъ Петръ Петровичъ Боткинъ и, гробовщики стали приставать къ нему; одинъ говорилъ: „я дѣлалъ гробъ вашему батюшкѣ“; другой: „я дѣлалъ гробъ вашей сестрицѣ“; и т. д.¹⁾ Послѣ Владимира Петровича остались два сына: Ѳедоръ и Михаилъ; старшій, Ѳедоръ, нѣсколько лѣтъ назадъ умеръ въ Парижѣ, гдѣ усердно занимался живописью и подавалъ надежды сдѣлаться хорошимъ художникомъ.

Отецъ и мать находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ Гучковыми²⁾, которыхъ было нѣсколько семействъ. Иванъ Ефимовичъ Гуч-

1) Похоронныхъ бюро тогда еще не существовало; гробовщики сами узнавали, гдѣ покойникъ, и являлись за полученіемъ заказа.

2) Родоначальникомъ Гучковыхъ былъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Гучковъ, крестьянинъ Калужской губерніи, Малоярославецкаго уѣзда. Онъ завелъ шерстяную фабрику въ 1790-хъ годахъ, въ Москвѣ, въ Преображенскомъ; въ 1840-хъ годахъ, за принадлежность къ старообрядчеству, Ѳедоръ Алексѣевичъ былъ сосланъ въ Петрозаводскъ, и дѣло перешло къ его сыновьямъ Ефиму и Ивану. Ефимъ Ѳедоровичъ былъ Московскимъ городскимъ головой въ 1857 и 1859-мъ годахъ. Съ моимъ отцомъ оба брата состояли въ большой дружбѣ, и ихъ литографированные портреты висѣли у него въ кабинетѣ. Изъ нѣмѣющей у меня копіи съ духовнаго завѣщанія И. Ѳ. Гучкова видно, что душеприкащиками его были: Иванъ Ефимовичъ Гучковъ, Петръ Петровичъ Боткинъ, мой отецъ и Альбертъ Осиповичъ Губнеръ. Жена Ивана Ѳедоровича Марья Парловна считалась одной изъ Московскихъ красавицъ. У Ивана Ѳедоровича были дѣти: Павелъ, Владимиръ, Сергѣй, Николай, Александра, Марья, Екатерина и Юлія. Вначалѣ 1859 года Ефимъ и Иванъ Ѳедоровичи раздѣлялись, и фирма стала называться „Ефимъ Ѳедоровичъ Гучковъ“, а послѣ смерти Ефима Ѳедоровича (29 Сентября 1859 года) дѣло продолжали сыновья его, Иванъ, Николай и Ѳедоръ, подъ фирмою „Ефима Гучкова Сыновья“. Въ 1896 году Гучковы фабрику закрыли, но торговлю продолжали. Въ Октябрѣ 1911 года Гучковы свое дѣло совсѣмъ прикончили.

Николай Ефимовичъ † въ 1884 году. Иванъ Ефимовичъ † въ 1904 году. Ѳедоръ Ефимовичъ † въ 1909 году.

Дѣти Ивана Ефимовича:	{	Александръ.
	{	Николай.
	{	Ѳедоръ.
	{	Константинъ.
Николая Ефимовича:	{	Николай.
	{	Василій.
	{	Вѣра.
Ѳедора Ефимовича—Ѳедоръ.		

ковъ былъ женатъ на Француженкѣ, Коралии Петровнѣ. Одинъ изъ его сыновей, Николай Ивановичъ, женатый на Вѣрѣ Петровнѣ Боткиной, нынѣшній Московской городской голова; другой, Александръ Ивановичъ, извѣстный лидеръ Октябристовъ и бывший председатель Государственной Думы. Братья Ивана Ефимовича, Николай и Ѳедоръ, жили въ Преображенскомъ, гдѣ у нихъ при домѣ былъ большой садъ съ прудомъ*). Къ нимъ я ѣздилъ съ отцомъ. Съ Ѳедоромъ Ефимовичемъ и его женой Ольгой Кирилловной я встрѣчался также въ Биаррицѣ, куда они имѣли обыкновеніе ѣздить осенью, и гдѣ у нихъ былъ пріятель, тамошній аптекаръ Музампесъ, напоминавшій Флоберовскаго аптекаря въ романѣ „Madame Bovary“.

Павель Ивановичъ Гучковъ, худощавый и одинъ изъ самыхъ высокихъ мужчинъ въ Москвѣ, любилъ совѣтоваться о своихъ дѣлахъ съ моимъ отцомъ. Павель Ивановичъ одно время торговалъ въ магазинѣ „Русскихъ издѣлій“ мануфактурнымъ товаромъ и былъ покупателемъ у моего отца; потомъ оставилъ торговлю и сталъ заниматься дисконтомъ и пріобрѣтать доходные дома. Женился Павель Ивановичъ на Лидіи Семеновнѣ Перловой. Его братъ Владимиръ Ивановичъ служилъ волонтеромъ въ конторѣ у Розентауера въ Берлинѣ въ то время, когда я служилъ у Абельсдорфа и Мейера. Три сестры Павла Ивановича, Marie, Julie и Alexandrine, бывали у насъ. Александра Ивановна, очень красивая, вышла замужъ за Буркина, а Марія и Юлія Ивановны остались въ дѣвицахъ. Бракъ съ Буркинымъ оказался неудачнымъ, и Александра Ивановна вскорѣ разошлась съ мужемъ. Помню, какъ молодые Буркины пріѣзжали къ намъ въ Кунцево на тройкѣ лошадей, разукрашенныхъ пестрыми лентами съ бубенчиками.

Врачъ Иванъ Петровичъ Постниковъ приходился двоюроднымъ братомъ моей матери и жилъ въ Кудринѣ, въ собственномъ домѣ, одна стѣна котораго, выходящая въ садъ, была вся до крыши покрыта дикимъ виноградомъ. Иванъ Петровичъ самъ раздѣлывалъ свой садъ и сажалъ цвѣты; былъ онъ также охотникъ до разныхъ звѣрей, которыхъ дрессировалъ; своего попугая Иванъ Петровичъ научилъ говорить: „всякое дыханіе да хвалить Господа“. Иванъ Петровичъ увлекался фельетонами нѣкогого „Берендея“ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“. Врачебной практикой Постниковъ пренебрегалъ, и когда ему говорили: „не понимаемъ, какъ вы можете лѣчить“, онъ добродушно отвѣчалъ: „а я не понимаю, какъ у меня могутъ лѣчиться“. Иванъ Петровичъ любилъ рассказывать анекдоты въ родѣ того, какъ одна дѣвочка, кушая дичь и проглотивши дробинку, съ испуга воскликнула: „мама, я заря-

*) Въ этомъ домѣ мои родители праздновали свою серебряную свадьбу.

дилась, я выстрѣлю“; или, что въ одномъ рецептѣ для приготовленія какого-то вина, было сказано: „для знатока положи вѣточку бузины“. За обѣдомъ Иванъ Петровичъ имѣлъ обыкновеніе показывать разные фокусы. Жена Ивана Петровича, Марья Михайловна, была очень добрая и дѣятельная. Два сына его, Александръ и Петръ, были отличные гимнасты. Александръ Ивановичъ былъ притомъ замѣчательный конькобѣжецъ и давалъ уроки гимнастики въ учебныхъ заведеніяхъ Москвы; къ сожалѣнію, онъ въ послѣдствіи сошелъ съ ума и вскорѣ умеръ. Петръ Ивановичъ Постниковъ, извѣстный въ Москвѣ хирургъ, здравствуетъ и понынѣ.

Часто у насъ гостила пріятельница матери Анна Леонтьевна Шустова, братъ которой, Николай Леонтьевичъ, имѣлъ въ Москвѣ водочный заводъ. Очень занятой, Николай Леонтьевичъ являлся къ намъ лишь по вечерамъ, иногда даже тогда, когда мать уже была въ постели; но для него она вставала, одѣвалась и спускалась въ столовую, гдѣ бесѣдовала съ нимъ до поздней ночи. Мы прозвали Николая Леонтьевича „каменнымъ гостемъ“. Анна Леонтьевна, уже немолодая, сохранила слѣды прежней красоты: черты лица ея были чрезвычайно правильныя; замужъ она не вышла и отличалась своей болтливостью. Не менѣе болтливою посѣтительницею моей матери была вдова Альфонсина Ивановна Постникова; мужъ ея, котораго мы звали „Американскимъ дядей“, служилъ въ Россійской Американской компаніи, и когда-то Альфонсина Ивановна жила вмѣстѣ съ нимъ въ Ситхѣ. Альфонсина Ивановна, несмотря на свои преклонные годы, очень интересовалась дамскими нарядами, о которыхъ могла разсказывать безъ умолку.

Сестра моей матери—Марья Петровна Феть, жила прежде съ мужемъ у себя въ деревнѣ, а потомъ они переселились въ Москву, и она стала часто бывать у насъ. Въ Москвѣ Феты купили себѣ домъ на Плющихѣ, у Карауловыхъ*).

Младшая сестра матери, Анна Петровна Пикулина, подолгу жила за границей и навѣщала насъ, когда пріѣзжала въ Москву.

О дядѣ Павлѣ Лукичѣ Пикулинѣ я уже имѣлъ случай говорить въ своемъ „Сборникѣ“. Павелъ Лукичъ, разбитый на ноги параличемъ, выѣзжалъ изъ дому рѣдко; всѣ родные и знакомые любили его навѣщать, въ томъ числѣ и я. Зимой Павелъ Лукичъ всегда принималъ посѣтителей въ халатѣ, сидя въ креслѣ за письменнымъ столомъ у себя въ кабинетѣ. Посѣтители принадлежали къ различнымъ классамъ

*) Г-жа Караулова, красивая модная дама, фигурировала на Московскихъ балахъ, и за ней увивалось много военныхъ.

общества. Въ этомъ же кабинетѣ жили двѣ его любимыя левретки, которыя обыкновенно всюду лазили и приставали ко всѣмъ: случилось даже, что онѣ незамѣтно добирались до головы кого либо изъ плѣшавыхъ гостей и облизывали ее. Павелъ Лукичъ уже мало занимался врачебной практикой, но все же иногда приходили къ нему за совѣтами пациенты. Такъ, Пикулинъ лѣчилъ дочь извѣстнаго охотнорядскаго торговца Лобачева, у которой на лицѣ была сыпь; къ кому ни обращался Лобачевъ со своей дочерью, никто не могъ ее излѣчить. Пикулину же удалось совершенно избавить ее отъ этой сыпи, въ благодарность за что Лобачевъ присылалъ Павлу Лукичу прекрасныхъ рябчиковъ, а левреткамъ тоже рябчиковъ, только похуже.

П. В. Шумахеръ приходилъ иногда къ Пикулину прямо изъ Сандуновскихъ бань, съ растрепанными волосами¹⁾, въ ночной сорочкѣ, съ узелкомъ и березовымъ вѣникомъ, который подносилъ Павлу Лукичу какъ букетъ; Павелъ Лукичъ отъ души смѣялся, а Анна Петровна негодовала.

Одинъ изъ самыхъ старинныхъ друзей Пикулина былъ Николай Христофоровичъ Кетчеръ; крикливый, онъ часто затѣвалъ съ Павломъ Лукичемъ споръ, къ сожалѣнію, переходившій иногда въ грубую взаимную брань. Волосы у Кетчера были всегда взъерошены, и курилъ онъ обыкновенно сигары, причемъ во время куренія такъ крутилъ сигару своими нервными пальцами, что развѣтывалъ табачные листы, изъ коихъ она была свернута. Въ компаніи друзей, когда пили вино, Кетчеръ любилъ всѣмъ подливать и сердился, если кто не пилъ, говоря: „что раскисъ? пей!“ Кетчеръ называлъ Павла Лукича тайнымъ членомъ Географическаго Общества, потому что тотъ плохо зналъ географію. Напримѣръ, однажды Пикулинъ адресовалъ письмо Александру Владимировичу Станкевичу въ Ниццу, въ департаментъ Нижнихъ Пиренеевъ. (Basses Pyrénées). Въ другой разъ онъ искалъ монастырь „Grande Chartreuse“²⁾ на небольшомъ учебномъ глобусѣ. Когда П. В. Шумахеръ жилъ у Кетчера, то являлся иногда къ Пикулину вмѣстѣ съ нимъ. Передъ тѣмъ какъ отправляться домой, Кетчеръ посылалъ Пикулинскаго лакея Мишу нанять двухъ извозчиковъ „къ Филиппу Митрополиту“, ибо вслѣдствіе тучности Шумахера Кетчеръ не могъ помѣститься съ нимъ на одномъ извозикѣ.

Однажды навѣстилъ я Кетчера³⁾, котораго засталъ въ саду копающимъ гряды. Жилъ Николай Христофоровичъ довольно неопрятно: въ

1) У Шумахера были густые волосы и совсѣмъ не было сѣдыхъ.

2) Близъ Гренобля.

3) Кетчеръ жилъ на 2-й Мѣщанской, близъ церкви Филиппа Митрополита, въ своемъ домѣ. У Николая Христофоровича былъ братъ—Владимиръ Христофоровичъ, генералъ-майоръ, имѣвшій въ Москвѣ свою мастерскую военныхъ принадлежностей.

своихъ комнатахъ держалъ паршивую собаку, которая даже спала на подушкѣ его постели. Вообще у Кетчера находили себѣ пріютъ изувѣченныя и больныя животныя, собаки, кошки птицы, коихъ онъ лѣчилъ. Одна комната у него постоянно завалена книгами, изданными К. Т. Солдатенковымъ. Кетчеръ любилъ читать романы Ксавье де Монтепена хотя и страшно ихъ ругалъ; но все же, по его словамъ, онъ не могъ бросить чтеніе этихъ романовъ. Въ кабинетѣ у Николая Христофоровича висѣла на стѣнѣ въ обгорѣлой золоченой рамѣ прекрасная цвѣтная гравюра, Англійской работы, изображающая Наполеона консуломъ. По разсказу Кетчера, рама обгорѣла во время Московскаго пожара 1812 года. Послѣ смерти Кетчера эта гравюра досталась В. К. Вульферту.

Я уже говорилъ объ елкѣ, которую Пикулинъ какъ-то устроилъ своимъ собакамъ и кошкѣ¹⁾. Въ другой разъ онъ устроилъ елку своимъ пріятелямъ и сдѣлалъ имъ соотвѣтствующіе подарки. Такъ, Н. Х. Кетчеру онъ подарилъ намордникъ, Александру Николаевичу Аванасьеву (сказочнику) кусокъ мыла и мочалку²⁾, кому-то изъ безволосыхъ пріятелей—частый гребень, и т. д. Съ своей стороны пріятели поднесли Павлу Лукичу соску. Аванасію Аванасьевичу Фету Пикулинъ дарилъ на именины большую коробку слабительнаго порошку (*Pulvis Liquiritae compositus*)³⁾.

П. В. Шумахеръ, познакомившійся у Пикулина съ Фетомъ, сразу не взлюбилъ его. Фету Шумахеръ тоже сталъ антипатиченъ, въ особенности послѣ того какъ однажды у Пикулина сѣлъ, во время закуски, почти всю зернистую икру. Впослѣдствіи Павелъ Лукичъ поссорился съ Шумахеромъ, и Шумахеръ пересталъ бывать у него. Пикулинъ такъ и умеръ, не примирившись съ Шумахеромъ.

Ходилъ къ Пикулину дѣлопроизводитель Московской мѣщанской управы, Алексѣй Аванасьевичъ Виноградовъ, человѣкъ очень словоохотливый. Помню, онъ разсказывалъ Пикулину, какъ у его брата описали и опечатали имущество вмѣстѣ съ живой канарейкой, которую позабыли взять. Еще разговорчивѣе Виноградова былъ тоже посѣщавшій Павла Лукича предсѣдатель Московскаго мирового съѣзда Петръ Николаевичъ Грековъ. Никто, напримѣръ, не разсказывалъ такъ подробно коронаціи императора Александра III, какъ онъ, не забывая даже упомянуть, сколько пирожковъ и съ какой начинкой онъ сѣлъ на царскомъ обѣдѣ. Но разсказывалъ Грековъ о коронаціи всѣмъ тѣми же словами, не прибавляя ни единого слова.

¹⁾ См. „Щукинскій Сборникъ“, выпускъ седьмой, стр. 115.

²⁾ Аванасьевъ былъ неопрятенъ и рѣдко мылся.

³⁾ А. А. Фетъ ежедневно принималъ этотъ порошокъ.

Навѣщавшій Пикулина преподаватель Латинскаго языка, старичекъ Миндереръ, управлялъ дѣлами фарфороваго завода Гарднера; онъ курилъ изъ трубки съ длиннымъ чубукомъ табакъ Василия Жукова¹⁾. У Пикулина былъ запасъ этого табаку.

Встрѣчалъ я также у Пикулина жизнерадостнаго Дмитрія Васильевича Григоровича, скучнаго Бориса Николаевича Чичерина, постоянно жаловавшагося на нездоровье Александра Владимировича Станкевича, добродушнаго Ивана Егоровича Забѣлина, остряка, зайку, библиотекаря Румянцевскаго Музея, Евгенія Ѳедоровича Корша, книгопродавца, старичка Владимира Ивановича Готье, хирурга Ивана Николаевича Новацкаго, глазнаго врача Алексѣя Николаевича Маклакова, скрипача Безекирскаго, Егора Мина и многихъ другихъ.

Пикулинъ любилъ бесѣдовать съ простыми людьми. Такъ, разговаривалъ онъ разъ съ однимъ крысоморомъ, которому замѣтилъ, что толочь мышьякъ²⁾ опасно, на что крысоморъ спокойно отвѣчалъ: „да мы сами и не толчемъ, а заставляемъ это дѣлать бабъ“. Одна женщина говорила Пикулину: „я, батюшка, всѣхъ своихъ дѣтей пристроила: одного сына взяли въ солдаты, другой сошелъ съума, а дочь утонула“.

Одинъ бѣдный Итальянецъ ѣдетъ съ обезьяной въ вагонъ желѣзной дороги. „За собаку платять“, говоритъ кондукторъ. Итальянецъ показываетъ черепаху: „насъкомое“, говоритъ кондукторъ: „ничего не полагается“.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ профессоръ Рулье умеръ на улицѣ, и тѣло его было доставлено въ Тверскую часть. Поэтому Московскій цензоръ³⁾, тоже генералъ, сталъ всегда носить при себѣ записку слѣдующаго содержанія: „сіе тѣло принадлежитъ дѣйствительному статскому совѣтнику“ такому-то.

Когда были еще въ модѣ высокія талии, то на одномъ балу въ Московскомъ Благородномъ Собраніи, у хорошенькой 18-ти лѣтней княжны, нагнувшейся, чтобы оторвать отъ своего башмака волочившуюся ленточку, вдругъ выскочили груди. Какъ ни старалась растерявшаяся княжна ихъ спрятать, никакъ не могла; наконецъ одна дама догадалась накинуть на княжну шаль.

¹⁾ Петербургскій табачный фабрикантъ Василій Жуковъ былъ прежде рабочимъ у табачнаго фабриканта Фаллера.

²⁾ Мышьякъ называется въ тайной продажѣ „бѣлымъ камнемъ“. Отъ Н. Х. Кетчера я слышалъ, что Московскій оберъ-полицеймейстеръ А. А. Козловъ далъ было приказъ сжечь нѣсколько пудовъ мышьяку, отобраннаго въ какой-то лавкѣ. Приказъ пришлось отмѣнить, по совѣту Кетчера, такъ какъ исполненіе его было бы очень опасно.

³⁾ Безсомыкинъ. П. Б.

За обѣдомъ разревѣлся ребенокъ. Писемскій, поднявъ стаканъ съ виномъ, сказалъ: „пью за добраго царя Ирода“.

Будучи студентомъ, Пикулинъ однажды отправился на балъ въ Благородное Собраніе, переодѣвшись барышней. Большую часть вечера онъ провелъ въ дамской уборной. Товарищи-студенты часто водили его въ буфетъ, гдѣ поили Шампанскимъ. Все шло хорошо, но опьянѣвшій Пикулинъ вдругъ поднялъ платье, чтобы достать изъ кармана кошелекъ. Вышелъ скандалъ, Пикулина взяли въ часть. Къ счастью, дѣло это удалось замаять, а то бы не сдобровать Пикулину въ тогдашнее строгое Николаевское время.

Когда пріѣзжалъ въ Москву Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ, то собиралъ своихъ Московскихъ друзей у Пикулина.

Въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье бывалъ у Пикулина ужинъ. Около 12 часовъ ночи Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, врачъ Николай Яковлевичъ Шкоттъ, В. К. Вульфертъ, художникъ Николай Ефимовичъ Рачковъ и я выходили изъ Пикулинской квартиры на крыльцо и прислушивались, когда заблаговѣстятъ. Иногда ночь бывала тихая и звѣздная. Какъ только загудятъ колокола, мы возвращались въ квартиру, всѣ сѣли за ужинъ и начинались поздравленія съ праздникомъ.

Бѣдиль Пикулинъ разъ въ годъ на именины къ аптекарю Ивану Ивановичу Келлеру, жившему на Мясницкой. Иванъ Ивановичъ въ этотъ день устраивалъ ужинъ для своихъ пріятелей (Кетчера, Шкотта, Вульферта, К. М. Мазурина и др.), на который приглашалъ также кафе-шантаннхъ пѣвицъ. Иванъ Ивановичъ очень желалъ сдѣлаться членомъ Англійскаго Клуба; но его пріятели—члены этого клуба—не рѣшались предлагать И. И. Келлера на баллотировку, изъ боязни, что его не выберутъ, потому что онъ имѣлъ лишь званіе провизора.

О своемъ переѣздѣ на дачу въ Марьину Слободку Пикулинъ извѣщалъ друзей открытками съ лаконической фразой, писанной карандашемъ: „сегодня переѣхалъ“. Моему брату Николаю Пикулинъ разъ прислалъ чистую открытку, позабывъ на ней написать „сегодня переѣхалъ“, и братъ понялъ въ чемъ дѣло. Большой шутникъ Н. Я. Шкоттъ какъ-то отвѣтилъ Пикулину на его открытку открыткой же: „а я еще не переѣзжалъ“.

На своей дачѣ въ хорошую погоду Пикулинъ обыкновенно сѣдѣлъ на террасѣ, въ пальто и картузѣ, окруженный своими комнатными собачками и дворовыми псами. Н. Е. Рачковъ очень удачно изобразилъ на своей картинкѣ, писанной масляными красками, П. Л. Пикулина, сидящаго на террасѣ, въ картузѣ, съ закутанными пледомъ ногами, съ газетой въ рукахъ. Рядомъ съ нимъ на стулѣ стоитъ одна изъ его

левретокъ, поставивъ правую переднюю лапку на столъ. На полу лежитъ дворовый пестъ Болванъ. На кронштейнѣ виситъ колоколь. Карандашный набросокъ этой картины Рачковъ дѣлалъ при мнѣ, на террасѣ, украдкой отъ Павла Лукича. Эта масляная картина была написана Рачковымъ въ двухъ экземплярахъ: одинъ приобрѣлъ К. Т. Солдатенковъ, другой находится у меня и былъ воспроизведенъ фототипіей въ изданномъ мною 2-мъ выпускѣ „Русскихъ Портретовъ“. Въ холодную погоду Пикулинъ надѣвалъ шубу, которую называлъ „лѣтней“. Иногда лѣтомъ можно было встрѣтить Павла Лукича ѣдущимъ въ каретѣ, въ шубѣ, въ соломенной шляпѣ и съ букетомъ цвѣтовъ. Въ висѣвшій на террасѣ мѣдный колоколь Пикулинъ звонилъ, когда хотѣлъ позвать своего Мишу, котораго звалъ Михайломъ, если былъ имъ недоволенъ. Разъ украли у Пикулина со стола террасы клеенку и находившіеся въ ящикѣ стола писанные Шумахеромъ стихи. Пикулина эта кража очень забавляла и, извѣщая Шумахера о кражѣ его стиховъ, онъ добавилъ: „жалѣю я о ворѣ“.

Пикулинъ понималъ толкъ въ кухнѣ. У него была старушка-кухарка, вкусно готовившая. Въ хорошую погоду обѣдали на террасѣ, и на этихъ обѣдахъ обыкновенно присутствовали: К. Т. Солдатенковъ, Н. Х. Кетчеръ, Е. Ѳ. Коршъ, Н. Я. Шкоттъ, П. Н. Грековъ, П. В. Шумахеръ, мой отецъ, Николай и я. К. Т. Солдатенковъ и мой братъ Николай присылали на эти обѣды стерлядей, фрукты, Шампанское и разныя вина. Своихъ гостей Павелъ Лукичъ угощалъ чудесной земляникой съ грядъ своего сада.

Болѣе простыя кушанья Пикулинъ не считалъ за блюда. „Какъ подадутъ шпинатъ съ яичками“, писала мнѣ изъ деревни Марья Петровна Фетъ, „невольнo вспомнишь Павла Лукича „у васъ въ деревнѣ—это блюдо“. Улицу Плющиху въ Москвѣ, гдѣ жили Феты, Пикулинъ называлъ деревней. Самъ онъ любилъ жить въ центрѣ города. Живя на Петровкѣ, онъ говорилъ, что отъ него близки и театры, и клубы (хотя онъ въ нихъ никогда не бывалъ).

На дачу къ Пикулину пріѣзжалъ Московскій гражданскій губернаторъ Василій Степановичъ Перфильевъ съ женой Прасковьей Ѳедоровной (рожденной графиней Толстой). Пріѣзжалъ и Московскій вице-губернаторъ Иванъ Ивановичъ Красовскій, который впоследствии былъ назначенъ губернаторомъ въ Томскъ, гдѣ и умеръ. Во время своего губернаторства въ Томскѣ, Красовскій присылалъ Пикулину зимой съ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ рыбу нельму и ягоду облѣпиху*);

*) Изъ облѣпихи дѣлали у Пикулина мороженое, которое напоминало вкусомъ персики.

взамѣнъ коихъ, съ тѣмъ-же унтеръ-офицеромъ, Пикулинъ посылалъ Красовскому замороженныхъ Филипповскихъ калачей*).

Пикулинъ бывалъ всегда на именинахъ у Кетчера (6 Декабря), гдѣ порядкомъ пили. Разъ произошелъ такой случай. Н. Я. Шкоттъ возвращался съ именинъ Кетчера домой, въ саняхъ на извозикѣ, съ какимъ-то гостемъ. Оба были выпивши. Дорогой гость вывалился изъ саней; Шкоттъ велѣлъ извознику вернуться назадъ и скоро увидалъ валявшагося на снѣгу человѣка, поднялъ его, и такъ какъ это было недалеко отъ дома Кетчера, то Шкоттъ рѣшилъ отвезти его туда. Кетчеръ уже легъ спать и, не посмотрѣвши кого привезъ Шкоттъ, велѣлъ положить гостя въ кабинетъ на диванъ. Утромъ, проснувшись, Николай Христофоровичъ пошелъ навѣстить своего гостя. Каково же было его удивленіе, когда онъ неожиданно увидалъ совершенно незнакомаго человѣка. Оказалось, что спутникъ Шкотта, вывалившись изъ саней, скоро очнулся, всталъ, взялъ извозника и преспокойно поѣхалъ домой; Шкоттъ же поднялъ и привезъ къ Кетчеру неизвѣстнаго пьянаго.

Въ концѣ лѣта 1885 года Павелъ Лукичъ серьезно захворалъ у себя на дачѣ, былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ и скончался 14 Сентября. Отпѣвали его въ церкви Григорія Богослова 18 Сентября, а похоронили въ Покровскомъ монастырѣ. Въ лицѣ Павла Лукича я потерялъ одного изъ лучшихъ моихъ друзей, который постоянно сердечно относился ко мнѣ и искренно меня любилъ. Смерть Пикулина также сильно огорчила Н. Х. Кетчера, который вскорѣ послѣдовалъ за нимъ: въ 1886 году Кетчеръ умеръ. Со смертью Павла Лукича Пикулинскій кружокъ, гдѣ собиралось столько интересныхъ людей, распался.

Лѣтомъ мы продолжали жить въ Кунцевѣ, все на той же дачѣ, которую снимали у К. Т. Солдатенкова. Козьма Терентьевичъ съ давнихъ поръ находился въ дружбѣ съ моимъ отцомъ и называлъ его Ваней. Онъ былъ старообрядецъ по Рогожскому кладбищу, что не мѣшало ему жить съ Француженкой Клемансой Карловной Дюпюи; называлъ онъ ее Клемансой, а она его Кузей. Въ Москвѣ Козьма Терентьевичъ купилъ Клемансѣ Карловнѣ домъ, въ Кунцевѣ же она жила на дачѣ близъ оранжереи. Клеманса Карловна очень плохо знала по русски, а Козьма Терентьевичъ кромѣ Русскаго не говорилъ ни на какомъ языкѣ. Однажды, будучи въ Константинополѣ, Солдатенковъ съ Клемансой Карловной отправились въ гаремъ какого-то паши, куда конечно его не пустили. Клеманса Карловна, сказавши

*) Замороженные калачи, положенные въ натопленную печь, получаютъ вкусъ свѣжихъ.

ему: „твой сидить, мой идетъ“, вошла въ гаремъ, откуда прислала съ евнухомъ оставшемуся при входѣ Козьмѣ Терентьевичу кофею и розоваго варенья.

Зимой К. Т. Солдатенковъ жилъ на Мясницкой, въ своемъ домѣ, гдѣ было нѣсколько богато отдѣланныхъ комнатъ, въ томъ числѣ диванная въ Арабскомъ стилѣ; имѣлось много хорошихъ картинъ Русскихъ художниковъ, большая библіотека и молельня. Въ послѣдней служилъ самъ Козьма Терентьевичъ вмѣстѣ со своимъ дальнимъ родственникомъ, торговцемъ церковныхъ старопечатныхъ книгъ, Сергѣемъ Тихоновичемъ Большаковымъ, для чего оба надѣвали кафтаны особаго покроя. Жилъ у Козьмы Терентьевича, въ качествѣ конторщика и управляющаго, Иванъ Ильичъ Барышевъ. Въ былое время Козьма Терентьевичъ торговалъ бумажной пряжей и занимался дисконтомъ векселей; въ послѣдствіи онъ сталъ крупнымъ пайщикомъ на фабрикахъ Гюбнера, Цинделя, Даниловской мануфактуры, Кренгольмской мануфактуры, Трехгорнаго пивовареннаго Товарищества¹⁾, Московскаго Учетнаго Банка, Московскаго Страховаго Общества и въ другихъ предпріятіяхъ. Въ Старомъ Гостинномъ дворѣ К. Т. Солдатенковъ снималъ лавку, состоящую изъ двухъ комнатъ, нижней и верхней; въ верхней обыкновенно Козьма Терентьевичъ занимался чтеніемъ газетъ, а въ нижней И. И. Барышевъ стоялъ или сидѣлъ за конторкой, и если не было дѣла, то писалъ фельетоны для „Московскаго Листка“ подъ псевдонимомъ „Мясницкаго“. Козьма Терентьевичъ никогда не начиналъ писать писемъ или записокъ, не поставивъ предварительно въ двухъ верхнихъ уголкахъ бумаги буквъ: „Г“ и „Б“, что означало: „Господи благослови“²⁾. К. Т. Солдатенковъ ежегодно ѣздилъ за границу и, не зная иностранныхъ языковъ, бралъ всегда съ собой переводчика, обыкновенно изъ врачей. Такъ ѣздилъ онъ съ врачомъ Але-

¹⁾ Пивоваренный заводъ Трехгорнаго Товарищества въ Москвѣ основанъ въ 1875 г. Учредителями были: Т. С. Морозовъ, А. К. Крестовниковъ, торговый домъ „М. Борисовскій съ Сыновьями“. А. А. Карзинкинъ, С. П. Вишняковъ, П. П. Дюшенъ, К. Т. Солдатенковъ, Б. А. Гивартовскій, торговый домъ „И. В. Юнкеръ и К°“, Н. С. Грачевъ, А. А. Лютрейлъ, А. фонъ-Барберъ, Н. Ф. Герике, А. К. Беккерсъ и мой отецъ. Въ настоящее время этотъ заводъ одинъ изъ первыхъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ, чѣмъ онъ много обязанъ своему директору, талантливому и энергичному Альберту Альбертовичу Кемпе, который съ самаго основанія завода постоянно и зорко слѣдилъ за всѣми техническими изобрѣтеніями и улучшеніями въ пивоваренномъ дѣлѣ, успѣшно примѣняя ихъ къ Трехгорному заводу. Лѣтомъ 1911 г. заводъ сталъ также производить искусственный ледь.

²⁾ Нѣкоторые купцы тоже ставятъ въ своихъ торговыхъ книгахъ буквы: „Г“ и „Б“ или три крестика.

ксандромъ Яковлевичемъ Тугенгольдомъ *). Бѣдить съ Козьмой Терентьевичемъ было довольно трудно, такъ какъ онъ всюду спѣшилъ; напримеръ, при осмотрѣ картинныхъ галлерей или музеевъ Тугенгольдъ едва успѣвалъ за нимъ. Козьма Терентьевичъ опережалъ Александра Яковлевича иногда на двѣ или на три залы, и послѣднему приходилось бѣгать за нимъ, обливаясь потомъ.

Въ Кунцевѣ у К. Т. Солдатенкова всегда кто-нибудь гостилъ: то его племянникъ Василій Ивановичъ Солдатенковъ (покуда Козьма Терентьевичъ не выстроилъ ему отдѣльную дачу), то художникъ Риццони, то В. Е. Грачевъ, и другіе. Риццони пріѣзжалъ на лѣто въ Москву изъ Рима, гдѣ усердно работаль и откуда привозилъ цѣлыя коллекціи тонко выписанныхъ картинокъ, представлявшихъ преимущественно кардиналовъ и женскія головки. Былъ у Риццони еще и другой талантъ: насвистывать разныя оперы, что онъ исполнялъ весьма искусно.

Василій Егоровичъ Грачевъ имѣлъ прежде въ Москвѣ типографію, въ которой Козьма Терентьевичъ печаталь свои изданія. Грачевъ носилъ некрахмальную сорочку изъ грубаго холста, ходилъ въ длинныхъ сапогахъ и вообще одѣвался очень просто. Козьма Терентьевичъ взялъ однажды Грачева съ собой за границу; отъ этой поѣздки у Грачева не осталось въ памяти даже такихъ городовъ, какъ Римъ, Флоренція, Неаполь. Грачевъ все мечталъ о поѣздкѣ на Востокъ, въ Иерусалимъ, къ Святымъ мѣстамъ. Закрывъ свою типографію, онъ переехалъ жить изъ Москвы въ Пушкино, гдѣ поселился одинъ въ своемъ домикѣ, и когда его спрашивали, не скучаетъ ли онъ въ одиночествѣ, Грачевъ отвѣчалъ: „скучать мнѣ некогда: утромъ встанешь, принесешь воды, наколешь дровъ, истопишь печь“, и т. д.

Пріѣзжали въ Кунцево къ Козьмѣ Терентьевичу также Н. Х. Кетчеръ, И. Е. Забѣлинъ, И. С. Аксаковъ, Митрофанъ Павловичъ Щепкинъ, А. А. Козловъ, П. Л. Пикулянъ, художникъ Лагорио и другіе. Всѣхъ ихъ Козьма Терентьевичъ радушно принималъ и угощаль тонкими обѣдами; но старѣя онъ становился скупѣе и сталъ приглашать къ обѣду не болѣе двухъ-трехъ человекъ. На одномъ такомъ обѣдѣ, en petit comité, мой братъ Николай сказалъ; „угостили бы вы насъ, Козьма Терентьевичъ, спаржей“, на что Козьма Терентьевичъ возразилъ: „спаржа, батенька, кусается: пять рублей фунтъ“. Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, Козьма Терентьевичъ сталъ обходить свой домъ и тушить электрическія лампочки, чтобы зря не горѣли.

*) А. Я. Тугенгольдъ ѣздилъ также за границу съ графомъ А. А. Закревскимъ, уже послѣ его увольненія отъ должности Московскаго генераль-губернатора.

Умеръ Козьма Терентьевичъ въ своемъ любимомъ Кунцевѣ, 19 Мая 1901 года, переживъ своего друга, моего отца, на десять лѣтъ.

Въ концѣ лѣта 1884 года случилось въ Кунцевѣ грустное событіе, о которомъ Василій Ивановичъ Солдатенковъ такъ писалъ одному своему другу: „Еслибъ Кунцево въ состояніи было заговорить, оно навѣрно сказало бы, какъ Платонъ Михайловичъ въ „Горе отъ ума“: „Да! теперь уже я не то Кунцево, когда кусались отъ любви! Да, дѣйствительно отъ любви никто больше не кусается; но зато на дняхъ закусали или лучше сказать загрызли до смерти собаки одну молодую дѣвушку, которая вела ихъ купать“. Не думай, что это мои собаки отличились; нѣтъ, слава Богу, это собаки барона Кюпа!“

Ежегодно съ моими братьями, Николаемъ и Сергѣемъ, ѣздилъ я на Нижегородскую ярмарку. Изъ Москвы выѣзжали съ вечернимъ поѣздомъ, въ раскладныхъ креслахъ перваго класса и брали съ собой подушки. Въ Павловѣ ѣли пирожки; утромъ въ Гороховцѣ умывались у бабъ, которыя стояли на платформѣ станціи съ кувшинами, тазами, мыломъ и полотенцами, предлагая свои услуги; затѣмъ пили на станціи кофей или чай.

Съ 1878 года отецъ пересталъ ѣздить на ярмарку, мы же оставались тамъ до окончанія ея. Первые годы жили въ лавкѣ, гдѣ обыкновенно прислуживали намъ Татары Сабиръ и другіе, пріѣзжавшіе изъ своей деревни въ Нижній лишь на ярмарочное время. Впослѣдствіи квартировалъ я въ центрѣ города, у Чернаго пруда, въ „Почтовой гостинницѣ“, затѣмъ на Нижнемъ Базарѣ, въ домѣ Блинова, въ „Биржевой гостинницѣ“, которую содержалъ Алексѣй Андреевичъ Филимоновъ. Завтракъ приносили намъ въ лавку изъ ресторана Никиты Егорова*), куда мы ходили обѣдать. Ресторанъ этотъ помѣщался на ярмаркѣ въ двухъэтажномъ каменномъ домѣ. Вслѣдствіе большого наплыва посѣтителей, около ресторана разбивалась еще парусинная палатка.

У Никиты Егорова въ то время въ верхнемъ этажѣ, въ двухъ большихъ комнатахъ, было два стола: такъ называемый *Нѣмецкій столъ*, за которымъ обѣдали представители Московскихъ Нѣмецкихъ фирмъ: Вогау, Кюпа, Ценкера и другихъ, и *Русскій столъ*, за которымъ обѣдали почти одни Русскіе коммерсанты: фабрикантъ Павелъ Павловичъ Малютинъ, торговцы бурнусами братья В. Н. и К. Н. Кириковы, торговецъ бурнусами и Румынскій консулъ Николай Кононовичъ Голофтѣевъ, фабрикантъ фарфора Матвѣй Сидоровичъ Кузнецовъ, чайный торговецъ Василій Семеновичъ Перловъ, платочный фабрикантъ

*) Послѣ смерти Никиты Егорова ресторанъ перешелъ къ его сыновьямъ.

Антонъ Адамовичъ Гивартовскій, торговецъ, археологъ и земскій дѣятель (изъ Ростова Ярославскаго) Андрей-Александровичъ Титовъ¹⁾ и другіе.

Послѣ обѣда подавался намъ общій счетъ, сумма котораго дѣлилась на число обѣдавшихъ за нашимъ столомъ. Заказывалъ обѣдъ обыкновенно А. А. Гивартовскій, котораго А. А. Титовъ прозвалъ „блинчиками“, потому что онъ неизмѣнно предлагалъ на сладкое это блюдо. Самъ Титовъ отличался скупостью. Такъ, онъ просилъ не брать съ него за вино; потому что онъ его пить не будетъ; между тѣмъ онъ вино пилъ и ничего не платилъ, говоря, что выпиваетъ за обѣдомъ лишь одинъ стаканъ; наконецъ однажды Титовъ совсѣмъ отказался платить и за самый обѣдъ, сказавъ, что издержался на покупку рукописей.

Въ нижнемъ этажѣ ресторана Егорова, напротивъ входа, помѣщался буфетъ: столъ, на которомъ красовались всевозможныя закуски, а за столомъ шкафъ съ бутылками разныхъ водокъ, ликеровъ и винъ. По вечерамъ въ буфетѣ часто сидѣлъ за столикомъ Александръ Максимовичъ Поповъ, сынъ известнаго суконщика Максима Ефимовича²⁾. На столикѣ стояла батарея полбутылокъ краснаго вина, ибо Александръ Максимовичъ пилъ лишь красное вино и не иначе какъ полбутылками. По мѣрѣ того какъ Александръ Максимовичъ опоражнивалъ полбутылки, онъ становился все развязнѣе и, встрѣчая входившихъ посѣтителей, бросался въ объятія каждому, уже не различая знакомаго отъ чужаго. Собутылникомъ Александра Максимовича былъ его покупатель, торговецъ мануфактурнымъ товаромъ, Константинъ Васильевичъ Епифановъ изъ Новочеркасска, который такъ напивался на ярмаркѣ, что билъ въ трактирахъ зеркала и посуду.

Бывалъ также у „Никиты“ (какъ коротко называли ресторанъ Н. Егорова) маклеръ по хлопку, Армянинъ Викторъ Агапитовичъ Эларовъ, знакомый намъ по дому Д. П. Боткина и прозванный Дмитріемъ Петровичемъ за Эфіопскаго типа лицо (въ родѣ покойнаго Менелика) „Дельнегро“. Эларовъ находился въ дружбѣ съ примадоннами и пѣвцами Итальянской оперы, пѣвшими въ Москвѣ.

Познакомился я на ярмаркѣ съ богатымъ Казанскимъ помѣщикомъ Александромъ Тавріоновичемъ Молоствовымъ, пріѣзжавшимъ на ярмарку ни съ какой другой цѣлью, какъ покутить. Онъ пилъ только Шампанское, съ утра уже былъ пьянъ и развѣзжалъ по ярмаркѣ въ коляскѣ,

¹⁾ А. А. Титовъ скончался въ Ростовѣ 24-го Октября 1911 года.

²⁾ Въ Москвѣ въ то время были, какъ говорили Нѣмцы, три известныя фирмы Попова: „Schnaps-Popoff, Thee-Popoff und Tuch-Popoff“.

вмѣстѣ со своимъ знакомымъ, академикомъ и сенаторомъ, Владимиромъ Павловичемъ Безобразовымъ¹⁾. Пѣвицамъ въ трактирахъ А. Т. Молоствовъ дарилъ брилліантовыя вещи.

Во всѣхъ ресторанахъ и трактирахъ пѣли хоры разныхъ достоинствъ. Въ ресторанѣ Барбатенко пѣлъ Русскій хоръ Анны Захаровны Ивановой; пьянистомъ въ ея хорѣ былъ Пригожевъ, авторъ „Пары гнѣдыхъ“, а лучшей пѣвицей считалась красавица Варвара Николаевна. Въ ресторанѣ „Германія“, который содержалъ Нижегородскій Нѣмецъ Фаульдрагъ, пѣлъ Шведскій хоръ²⁾ г-жи Мартини во главѣ съ красивой блондинкой, Датчанкой Эльвирой. Въ трактирѣ Бубнова пѣли Цыгане изъ Рыбинска.

Живя на Нижнемъ Базарѣ въ „Биржевой гостинницѣ“, я слышалъ рано по утрамъ пѣвучій и протяжный голосъ разнощика печенаго картофеля: „карто-о-о-фель, карто-о-о-фель“. Этотъ голосъ я слышу подь-рядъ уже 33 года. Часто доносились до моего слуха разговоры изъ сосѣдняго номера, которые теперь всѣ забылъ, кромѣ одного, по своей дикости до сихъ поръ не изгладившагося изъ моей памяти. Занималъ сосѣдній номеръ какой-то пожилой чиновникъ съ молодой женой. (Я самъ ихъ не видалъ, но мнѣ говорилъ про нихъ содержатель гостинницы). И вотъ какъ-то поздно ночью слышу, мужъ упрекаетъ жену за то, что она въ церкви прежде его подходитъ ко кресту; жена удивляется этому упреку; наконецъ мужъ приводитъ женѣ, доведенной до слезъ, примѣръ изъ военного быта, совсѣмъ неподходящій къ данному случаю: что прежде ко кресту прикладывается корпусный командиръ, потомъ дивизионные генералы, затѣмъ бригадные, и т. д.

Въ „Биржевой гостинницѣ“ устраивались иногда свадебные и другіе обѣды. Между прочимъ, управляющій дѣлами графа Строганова въ Нижнемъ Ширшевъ давалъ ежегодно въ ярмарочное время обѣдъ для своихъ покупателей желѣзняковъ, обѣдъ съ военнымъ оркестромъ и хоромъ пѣвицъ. По смерти Ширшева эти обѣды прекратились.

Изъ оконъ моего номера я любовался и до сихъ поръ люблюсь на Волгу, сливающуюся у Сибирской пристани съ Окой, на новый ярмарочный соборъ, на виднѣющееся вдали Сормово и на противопо-

¹⁾ „Молоствовы“, писалъ мнѣ Р. Н. Гришинъ въ 1881 году, „почти сосѣди Даниловки (бывшее имѣніе Гришина въ Казанской губерніи). Они очень многочисленны, ихъ имѣніе лучшее въ Спасскомъ уѣздѣ. Академикъ Безобразовъ способный человекъ и иногда превосходный рассказчикъ и большой говорунъ; но, года два назадъ, его пригласили въ Зимній Дворецъ поразсказать великимъ князьямъ кое-что о Нижегородской ярмаркѣ: нашъ академикъ сильно сплоховалъ“.

²⁾ Хоръ госпожи Мартини, хотя и назывался Шведскимъ хоромъ, но пѣлъ исключительно Нѣмецкія пѣсни.

ложный, поросшій мелкимъ лѣсомъ съ бѣлѣющими церквами, берегъ Семеновскаго уѣзда¹⁾; эту картину оживляютъ то и дѣло проходящіе и гудящіе пассажирскіе и буксирные пароходы и ползущія баржи.

Каменные корпуса ярмарки, выстроенные Бетангуромъ, со временемъ сдѣлались недостаточными для торговли; поэтому на свободной землѣ, противъ корпусовъ, стали устраивать временные досчатые лабазы. При губернаторствѣ графа Игнатьева было приказано замѣнить деревянные склады желѣзными²⁾; потомъ при губернаторѣ Безакѣ желѣзные склады замѣнили каменными, такъ какъ въ желѣзныхъ въ жаркую погоду было очень душно.

Клозетовъ въ старыхъ корпусахъ не было, а всѣ ходили въ устроенные подъ землей, на протяженіи всей ярмарки, сводчатые туннели, куда спускаются изъ каменныхъ башенъ и которые существуютъ до сихъ поръ и служатъ для большинства ярмарочнаго населенія и пріѣзжаго люда. Въ старомъ Главномъ Домѣ, въ нижнемъ этажѣ, подъ низкими сводами, въ темнотѣ ютились небольшіе магазины, даже днемъ освѣщавшіеся коптѣвшими керосиновыми лампами. Посрединѣ на деревянной эстрадѣ играла военная музыка; въ тѣснотѣ и духотѣ толкалась публика, состоявшая большею частію изъ Армянъ, Персіанъ, Бухарцевъ и сомнительныхъ женщинъ. Теперь на мѣстѣ стараго Главнаго Дома выстроенъ большой, довольно красивый, болѣе удобный и приличный, крытый стекломъ. Въ немъ живетъ во время ярмарки Нижегородскій губернаторъ и помѣщается ярмарочный комитетъ.

Что касается до уличной ярмарочной жизни, то она мало измѣнилась: какъ прежде, такъ и теперь ходячіе цирюльники брѣютъ на улицѣ ломовыхъ, сидящихъ на своихъ телегахъ, а странствующие сапожники чинятъ прохожимъ сапоги; женщины и мальчишки подбираютъ щепки, дощечки, бумагу, концы веревокъ и т. п.; спуютъ бабы съ Владимирскими вишнями, разнощики съ балыками, ветчиной, раками и другими товарами, Татары со шнурками каракуля, Персіане съ коврами, орѣхами и сушеными фруктами, Бухарцы и Хивинцы въ своихъ пестрыхъ полосатыхъ халатахъ; хлѣбники на дубочныхъ лоткахъ разносятъ по лавкамъ бѣлый ситный хлѣбъ, а бабы на коромыслахъ—кушанья въ эмальированныхъ судкахъ и соленые огурцы въ желѣзныхъ ведрахъ. Все попрежнему пріѣзжаетъ на заработки масса Татаръ. По чрезвычайно длинному плашкоутному мосту тянутся, какъ и

¹⁾ Семеновскій уѣздъ былъ когда-то знаменитъ старообрядческими скитами, жизнь которыхъ такъ художественно изобразилъ П. И. Мельниковъ въ своемъ романѣ „Въ лѣсахъ“.

²⁾ Нашъ желѣзный складъ на ярмаркѣ строилъ Сормоискій заводъ.

прежде, по двумъ противоположнымъ направлѣнїямъ, безконечныя вереницы телѣгъ, нагруженныхъ невыдѣланными кожами, разнымъ желѣзомъ и чугуномъ, ящиками, бочками и т. п.

Жить въ ярмарочныхъ помѣщенїяхъ было не всегда прїятно. Въ сильный жаръ, вслѣдствїе низкихъ комнатъ, бывала иногда такая духота, что спали голыми, а въ холодъ мерзли, ибо печей не было и отовсюду дуло, а чтобы хотя немного согрѣться, жгли спиртъ. Въ Воскресенья и праздничные дни торговали весь день, какъ и въ будни. Въ послѣднихъ числахъ Августа ярмарка замѣтно пустѣла: въ модной линїи, ближе къ старому собору, оптовые торговцы сукнами закрывали свои лавки, тоже дѣлали въ панскомъ гуртовомъ ряду мануфактуристы. Когда начинали появляться на ярмаркѣ козлы и козы, спускавшїеся съ городскихъ горъ, то купцы говорили, что ярмарка кончается, а когда начинали бродить свиньи, то говорили, что она уже кончилась.

Пассажъ, выстроенный черезъ канаву напротивъ ярмарочнаго театра, называется „Бразильскимъ“. О происхожденїи этого названїя если еще не всѣ забыли, то во всякомъ случаѣ многіе не знаютъ. А дѣло было такъ. Въ одну изъ ярмарокъ въ началѣ 80-хъ годовъ изъ Бразилїи привезли большую партїю кофею, для ознакомленїя и распространенїя коего между Русскими Бразильцы выстроили черезъ канаву пассажъ, въ которомъ стали для рекламы угощать публику кофеемъ, а актрисамъ находящагося противъ пассажа театра подносить вмѣсто букетовъ мѣшки съ кофеемъ. Бразильцы уѣхали, а пассажъ остался, и осталось его названїе „Бразильскаго“.

Вечера во время ярмарки я проводилъ не всегда въ трактирахъ, театрѣ или циркѣ Никитина, но бывалъ иногда въ гостяхъ въ городѣ.

Радужный Дмитрїй Михайловичъ Бурмистровъ, нашъ хорошій покупатель, приглашалъ меня къ себѣ на обѣды. Былъ онъ женатъ на Варварѣ Михайловнѣ Рукавишниковой, большой охотницѣ до лошадей. Жили Бурмистровы на Откосѣ, и изъ ихъ дома и сада открывался прекрасный видъ на Волгу. При домѣ имѣлись образцовыя конюшни, гдѣ стояли дорогіе рысаки. Дмитрїй Михайловичъ, большой любитель садоводства, имѣлъ нѣсколько цвѣточныхъ и фруктовыхъ оранжерей и держалъ Нѣмца-садовника, которому платилъ три тысячи рублей въ годъ. Садъ утопалъ въ цвѣтахъ. Помню, Дмитрїй Михайловичъ дарилъ мнѣ прекрасныя клуберозы и угощалъ бѣлой малиной. Въ то время цвѣточныхъ торговцевъ въ Нижнемъ совсѣмъ не было. Въ ресторанахъ „Германїя“ продавали астры, надушенные пахучими. В. С. Перловъ доставалъ букеты, для подношенїя ярмарочнымъ актрисамъ, у садовника Бурмистровыхъ и платилъ за эти букеты чаемъ.

На Бурмистровскихъ обѣдахъ познакомился я съ братьями хозяйки: Иваномъ, Митрофаномъ и Николаемъ Михайловичами Рукавишниковыми, съ ея сестрой Юліей Михайловной и съ мужемъ послѣдней— Иваномъ Кузьмичемъ Николаевымъ. Бывали на этихъ обѣдахъ также: жена Ивана Михайловича Елена Николаевна, двѣ пріѣзжавшія изъ Ярославля барышни, дочери Николая Петровича Пастухова, Нижегородскій фабрикантъ Зайцевъ, маклеръ Иванъ Юльевичъ Шульцъ изъ Москвы, домашній врачъ Бурмистровыхъ Штюрмеръ, домашній врачъ Николаевыхъ Никаноръ Ивановичъ Васильевъ и др. Сталъ бывать я и у Николаевыхъ, жившихъ на Большой Печерской улицѣ, съ единственнымъ малолѣтнимъ сыномъ Мишей, въ которомъ мать не чаяла души. У Николаевыхъ встрѣчалъ я только ихъ домашняго врача, стараго и ворчливаго Н. И. Васильева, ими до крайности избалованнаго и пользовавшагося у нихъ большимъ авторитетомъ.

Вмѣстѣ съ В. С. Перловымъ, М. С. Кузнецовымъ, Н. К. Голофтьевымъ и братьями Кириковыми ходилъ я на Пески, въ трактиръ Журавлева, вѣтъ пельмени, которые подавали сотнями, при чемъ въ одной мискѣ были пельмени, а въ другой бульонъ.

Однажды Владимиръ Карловичъ фонъ-Меккъ пригласилъ меня принять участіе въ прогулкѣ по Окѣ, на его пароходѣ. Вечеромъ у него въ конторѣ, которая находилась на пристани, на такъ называемой Стрѣлкѣ, собрались: В. С. Перловъ, пріѣхавшіе изъ Москвы К. А. Тарновскій и П. И. Гучковъ, братья Кириковы и др., и на Мекковскомъ пароходѣ, съ военной музыкой, пошли мы вверхъ по Окѣ. Ночью пристали къ берегу Оки, гдѣ высадились. У рыбаковъ купили тоню стерлядей и раковъ и заставили рыбаковъ варить намъ уху. Слуги отъ Никиты Егорова вынесли съ парохода на берегъ столъ, Вѣнскіе стулья и Мекковскій поставецъ съ серебряными стаканами; накрыли столъ; принесли зернистой икры, холодной дичи, въ дыняхъ маседуанъ изъ свѣжихъ фруктовъ; захопала пробки отъ Шампанскаго—и пошло пиршество. По желанію В. С. Перлова послали за дѣвицами въ ближайшую деревню и заставили ихъ водить хороводы. На обратномъ пути всѣ гости съ хозяиномъ засѣли въ каютѣ вокругъ большой льдины съ бутылками Шампанскаго, и пиршество, начатое на берегу, продолжалось до ярмарочной пристани, куда пришли часовъ въ семь утра, и гдѣ уже ждали извозничьи коляски, которыя развезли всѣхъ по гостиницамъ и лавкамъ.

Припоминаю пріѣздъ на ярмарку великаго князя Николая Николаевича Старшаго. Вмѣстѣ съ предсѣдателемъ ярмарочнаго комитета Павломъ Васильевичемъ Осиповымъ и Нижегородскимъ губернаторомъ Безакомъ, великій князь посѣтилъ нѣсколько лавокъ, въ томъ числѣ и

нашу. Увидавъ у насъ рубашечный ситецъ, великій князь сказалъ: „хорошо бы на солдатскія рубашки“. Выходя изъ лавки, П. В. Осиповъ попросилъ великаго князя посѣтить еще кого-то, на что великій князь отвѣтилъ: „слушаю-съ“. Вечеромъ состоялся праздникъ въ лагерѣ, который былъ иллюминированъ. Въ палаткѣ, убранной щитами изъ штыковъ, былъ накрытъ ужинъ, во время котораго играла военная музыка и пѣлъ хоръ А. З. Ивановой. Изъ лагеря великій князь поѣхалъ на ночлегъ въ Главный Домъ, сопровождаемый солдатами, бѣжавшими съ зажженными факелами и кричавшими ура.

Пріѣзжалъ на ярмарку и великій князь Владимиръ Александровичъ съ великой княгиней Маріей Павловной. Ихъ Высочествамъ ярмарочное купечество давало обѣдъ на Зевековскомъ пароходѣ, стоявшемъ на Сибирской пристани. Во время обѣда играла военная музыка. Я сидѣлъ за столомъ вмѣстѣ съ В. С. Перловымъ, и намъ вмѣсто стерляди подали шипа. Послѣ обѣда пароходъ съ Ихъ Высочествами и гостями отчалилъ отъ пристани и пошелъ въ Сормово, откуда вернулись опять на Сибирскую пристань.

П. В. Осиповъ, будучи предсѣдателемъ ярмарочнаго комитета, дѣлалъ большіе денежные сборы на губернаторскіе обѣды съ торговцевъ на ярмаркѣ купцовъ. Оставшіеся отъ обѣдовъ вина и сигары относились къ П. В. Осипову на квартиру.

О бывшемъ одновременно съ П. В. Осиповымъ Нижегородскомъ губернаторѣ Б. тогдашній Французскій посолъ въ Петербургѣ генералъ Шанзи былъ не особенно лестнаго мнѣнія. „Вмѣсто ярмарочныхъ свѣдѣній“, рассказывалъ въ Петербургѣ Шанзи, возвратившись изъ Нижняго, „за которыми я пробовалъ не разъ обращаться въ разговорѣ къ генералу Б., онъ нарисовалъ мнѣ картину Парижскихъ кафе-шантановъ *avec leurs sujets princiers*“. Не лучше Б. былъ и тогдашній Нижегородскій полиціймейстеръ Каргеръ, который, чтобы сдѣлать удовольствіе своимъ пріятелямъ, не стѣснялся вызывать по тревогѣ пожарныхъ.

Скажу кое-что о нѣкоторыхъ торговцахъ, покупавшихъ у насъ въ Москвѣ и на Нижегородской ярмаркѣ.

Одними изъ первыхъ и лучшихъ покупателей изъ Сибири считались тогда Стахѣвы, Александръ Ѳедоровичъ Второвъ*), Петровъ и Михайловъ, Иванъ и Николай Герасимовичи Гадаловы, Бѣлоголовый и Киселевъ, братья Зензиновы, братья Бутины и Семень Семеновичъ Кальмейеръ. А. Ѳ. Второвъ пользовался большою популярностью на Нижегородской ярмаркѣ.

*) А. Ѳ. Второвъ умеръ 20 Октября 1911 года.

Изъ Армянъ покупали у насъ братья Цавьяновы, братья Вартановы, Иванъ Исаевичъ Питаньянца (всѣ трое изъ Тифлиса), братья Бабасиновы (изъ Нахичевани), Карпъ Ивановичъ Яблоковъ (изъ Ростова на Дону), Кириллъ Моисеевичъ Поповъ (изъ Луганскаго завода), Минай Лукьяновичъ Шоршоровъ (изъ Екатеринодара), Христофоръ Христофоровичъ Харагилеевъ и другіе.

Армянинъ Макаръ Ивановичъ Улухановъ (изъ Моздока), толстый, безволосый, съ важнымъ, но тупымъ выраженіемъ лица, любилъ почетъ. У него была красивая сестра, которую увезли въ плѣнъ Черкесы, во время набѣга на Моздокъ; потомъ она стала женой Шамиля. Когда Макара Ивановича спрашивали, хороша ли была его сестра, то онъ съ важностью, показывая на себя, отвѣчалъ: „какъ я“. При этомъ надо было видѣть его болѣе чѣмъ непривлекательное лицо. Позднѣе явились къ намъ покупатели Армяне изъ Армавира: братья Тарасовы, братья Вагорсуковы, братья Вагдасаровы, братья Сеферовы, Акимъ Манаевичъ Каспаровъ, братья Давыдовы и братья Шахъ-Назаровы. Въ началѣ братья Тарасовы жили весьма скромно: ѣздили по желѣзной дорогѣ въ третьемъ классѣ, возили съ собой мѣшки съ сухарями изъ чернаго хлѣба, которыми питались дорогой, носили зимой потертые бараньи шубы; но потомъ они разбогатѣли, и мы увидали ихъ въ собольихъ шубахъ съ бобровыми воротниками.

Когда на Кавказѣ начались безпорядки, то богатые Армяне стали переселяться въ Москву. Въ прежнее время говорили въ Москвѣ только объ одномъ богатомъ Армянинѣ Иванѣ Степановичѣ Анановѣ, имѣвшемъ домъ на Мясницкой. Въ настоящее время говорятъ о нѣсколькихъ милліонерахъ Армянахъ, переселившихся со своими семьями въ Москву изъ Армавира, Екатеринодара, Баку и другихъ городовъ Кавказа. Своихъ хорошенькихъ дочерей Армяне стали посылать за границу учиться, въ лучшіе пансіоны и одѣвать ихъ по послѣдней модѣ; стали заводить автомобили и строить себѣ въ Москвѣ дворцы.

Нашимъ самымъ крупнымъ покупателямъ въ Ростовѣ на Дону былъ Павелъ Федоровичъ Севрюговъ. Донскіе казаки Иванъ и Николай Андреевичи Абрамовы, люди очень почтенные, были одними изъ лучшихъ покупателей изъ Новочеркасска. Они, по старому обычаю, привозили намъ въ подарокъ прекрасное Цимлянское вино собственнаго приготовления, въ Шампанскихъ бутылкахъ, или отличные Донскіе балыки.

Одинъ изъ крупныхъ Саратовскихъ покупателей былъ Иванъ Герасимовичъ Кузнецовъ, прозванный за свой малый ростъ „Аршиномъ Герасимовичемъ“. Разъ во время ярмарки въ нашей лавкѣ служили молебень; Иванъ Герасимовичъ стоялъ за прилавкомъ, такъ что была

видна одна его голова. По окончаніи молебна священникъ, не зная, что Иванъ Герасимовичъ въ родѣ карлика, сталъ ему выговаривать за то, что онъ сидѣлъ во время службы. Иванъ Герасимовичъ пріѣзжалъ въ Москву или на ярмарку со своимъ взрослымъ сыномъ Василиемъ Ивановичемъ, котораго называлъ Васенькой.

Изъ Пятигорска пріѣзжали къ намъ два брата Зипаловы, а изъ Перми—два брата Киселевы. Старшій Киселевъ, Вячеславъ Васильевичъ, былъ всегда въ мрачномъ настроеніи духа. Одинъ изъ самыхъ веселыхъ покупателей былъ Армянинъ изъ Ставрополя-Кавказскаго Давыдъ Вареодомеевичъ Поповъ. Казанскій покупатель Савватей Савватеевичъ Савватъевъ, старикъ въ очкахъ, которые чаще были у него на лбу, чѣмъ передъ глазами, имѣлъ привычку мять въ рукахъ кусочекъ тѣста, которое всегда носилъ съ собой.

Покупатель Фуфыкинъ явился однажды къ намъ на ярмарку весь выпачканный и пьяный и сообщилъ, что не можетъ уплатить стараго долга, сказавъ: „торговали кирпичемъ и остались ни при чемъ“. Благодаря присяжному повѣренному Меморскому, бывшему потомъ Нижегородскимъ городскимъ головой, мы получили сполна состоявшій за Фуфыкинымъ долгъ. Вообще, когда кто не желалъ совсѣмъ платить своихъ долговъ, являлся къ кредиторамъ плохо одѣтымъ, выпачканнымъ и нерѣдко пьянымъ. Такъ было и съ Константиномъ Васильевичемъ Епифановымъ изъ Новочергасска, прекратившимъ свои платежи. Другіе должники, не желавшіе платить полнымъ рублемъ, приглашали, какъ говорятъ купцы, на чашку чаю, т. е. собирали своихъ кредиторовъ и просили о скидкахъ и разсрочкахъ долга. Объ одномъ неплательщикѣ, Армянинѣ, дѣло котораго слушалось въ Московскомъ Коммерческомъ Судѣ, мой отецъ рассказывалъ слѣдующее. Армянинъ этотъ подписался на выданномъ имъ векселѣ по армянски, и на судѣ переводчикъ перевелъ эту надпись, оказавшуюся такого содержанія: „когда хочу, тогда плачу, а кисея твоя г.....“

Покупали у насъ также Евреи изъ Одессы, Кишинева, Бердичева и другихъ городовъ, Татары и Нѣмцы-колонисты. Изъ Одессы покупали у насъ между прочимъ Евреи, торговавшіе подъ фирмою „Гимельфартъ и Фингерхуть“. Кишиневскіе Евреи-покупатели пріѣзжали лѣтомъ въ Москву въ своихъ длинныхъ лапсердакахъ, надѣтыхъ непосредственно сверхъ нижняго бѣлья. Въ мою бытность въ Кишиневѣ, нашъ тамошній покупатель, старикъ Еврей Шулимъ Перельмутеръ, выказалъ ко мнѣ большое вниманіе и любезность: его довѣренный, Рейтигъ, возилъ меня въ коляскѣ и показывалъ городъ; потомъ мы заѣхали къ самому Перельмутеру, жившему въ своей усадьбѣ, въ простомъ деревянномъ домикѣ, окруженномъ виноградниками, гдѣ Перельмутеръ

угощалъ меня виномъ своего приготовления и по моей просьбѣ далъ мнѣ попробовать мамалыгу (густая каша изъ кукурузы). Зятя Перельмутера не было въ Кишиневѣ; но меня все же повезли къ его молодой женѣ, дамѣ съ нѣкоторыми претензіями, гдѣ меня, какъ видно, ждали, потому что былъ накрытъ столъ съ разными угощеніями и даже приготовлено Шампанское. За столомъ прислуживали лакеи во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

Татаринъ Баязитовъ изъ Стерлитамака былъ безъ одной челюсти, чему онъ былъ обязанъ искусству какого-то дантиста на Ирбитской ярмаркѣ. Однажды одинъ изъ нашихъ рабочихъ попросилъ у Баязитова на чай. Баязитовъ счелъ это за оскорбленіе, нашумѣлъ и, выпросивъ себѣ кусокъ матеріи, успокоился. Баязитова хорошо знали на пароходахъ, ходящихъ по рѣкѣ Бѣлой. „Мы будемъ *фарсить*“, говаривалъ онъ, заказывая себѣ стерлядку. Изъ Уфимской губерніи Баязитовъ привозилъ на продажу въ жестяныхъ коробкахъ липовый медъ, который держалъ на ярмаркѣ у насъ въ лавкѣ, подъ лѣстницей. Вообще Баязитовъ отличался своей грубостью и назойливостью.

Самымъ послѣднимъ нашимъ покупателемъ на ярмаркѣ былъ Петръ Ивановичъ Батуевъ изъ Вятки; его покупкой заканчивалась у насъ ярмарка.

Въ Нижнемъ познакомился я съ фотографомъ-художникомъ Андреемъ Осиповичемъ Карелинымъ, который имѣлъ фотографію въ своемъ домѣ, на Малой Покровкѣ. Большая зала въ его домѣ напоминала антикварный магазинъ. Тогда я былъ еще далеко отъ идеи собиранія старинныхъ Русскихъ вещей; но художники Василий Васильевичъ Верещагинъ и Константинъ Егоровичъ Маковский уже покупали ихъ у Карелина. По фотографіи Карелинъ сдѣлалъ нѣкоторыя важныя изобрѣтенія, но, увлекшись собираніемъ старинныхъ и новыхъ вещей, сталъ мало заниматься фотографическимъ дѣломъ; а между тѣмъ у него явился серьезный конкурентъ, фотографъ Дмитріевъ, и постепенно фотографическое дѣло у Карелина стало падать, а у Дмитріева развиваться. Домъ свой на Малой Покровкѣ Карелинъ прожилъ и сталъ жить по квартирамъ, гдѣ давалъ уроки рисованія Нижегородскимъ барышнямъ, писалъ недурные и очень схожіе портреты и снималъ фотографіи. Во время ярмарки по вечерамъ можно было встрѣтить Андрея Осиповича въ Ярославскомъ ряду у старьевщиковъ, гдѣ онъ искалъ рѣдкостей.

Мое знакомство съ Персіянами началось съ покупокъ на ярмаркѣ, по порученію отца, ковровъ для дома, которые мы покупали у Сафара Алеева въ Персидскихъ рядахъ. Въ этихъ рядахъ до сихъ поръ сохранились свои нравы и обычаи: въ лавкахъ, между мѣшками съ фисташ-

ками, миндалемъ, рисомъ, драгантомъ, чернильными орѣшками, ящиками съ сабзой и другими товарами, можно видѣть Персіянъ въ ихъ національныхъ костюмахъ, курящихъ кальянъ. Тутъ же можно наблюдать, какъ Персидскій Фигаро брѣшетъ голову краснородому сыну Ирана. Въ караванъ-сараѣ пекутъ Персидскій хлѣбъ „лавашь“, въ видѣ большихъ, круглыхъ, плоскихъ лепешекъ, которыя, кромѣ своего прямого назначенія, замѣняютъ у Персіянъ ложки и салфетки. Персія меня интересовала: я много читалъ о ней книгъ на Русскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. Еще въ Москвѣ познакомился я съ Московскимъ Персидскимъ вице-консуломъ и комиссіонеромъ мирзой Нематулой Ашимовымъ¹⁾, который зналъ по русски и порядочно говорилъ по французски. На ярмаркѣ онъ останавливался въ караванъ-сараѣ, гдѣ я его разъ навѣстилъ и засталъ его сидящимъ на диванѣ, поджавши подъ себя ноги, въ голубомъ шелковомъ засаленномъ халатѣ, и курящимъ кальянъ. У него и у торговца коврами Усейнова сталъ я пріобрѣтать разныя Персидскія вещи: калямданы (пеналы), голябшаши (флаконы для розовой воды), кячкили (чаши для воды, носимыя дerviшами), рубэндэ (платокъ, которымъ женщины закрываютъ себѣ лицо), шербетныя ложки, ларцы, гребни, кривые кинжалы ферашей и другія преимущественно современныя вещи Персидскаго искусства и быта.

Въ 1887 году пріѣзжалъ въ Москву изъ Темиръ-Ханъ-Шуры фотографъ Роиновъ со своимъ „передвижнымъ Кавказскимъ музеемъ“. У Роинова купилъ я небольшую Персидскую занавѣску²⁾, вышитую шелками, серебромъ и золотомъ, XVII в., изъ дворца Нухинскаго хана, и три старинныя Персидскія фаянсовыя тарелки съ изображеніями: на одной—кисти руки, на другой—двухъ козъ, на третьей—всадника.

На Нижегородской же ярмаркѣ пріобрѣлъ я большую Китайскую занавѣску, богато вышитую по красному Русскому сукну разноцвѣтными шелками и золотомъ. Вообще на Нижегородской ярмаркѣ сдѣлалъ я починъ по собиранію предметовъ Востока, точно такъ же, какъ

¹⁾ Въ 1877, 1878 и 1889 гг. шахъ Насръ-Эдлинъ былъ въ Европѣ. Пріѣзжалъ онъ и въ Москву, гдѣ на балу у генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова сказалъ указывая пальцемъ на залитую всю брилліантами Шаблыкину: „laide“, а о какой-то красивой дамѣ выразился: „belle, comme les vers de Pouchkine“. Р. Н. Гришинъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 2 Октября 1887 г. писалъ: „Въ мою бытность въ Астрахани, гдѣ я началъ мою службу, мнѣ приходилось не одинъ разъ бывать на балахъ Персидскаго посланника и участвовать въ загородныхъ Персидскихъ торжествахъ; образованныхъ Персіянъ не удавалось видѣть“.

²⁾ Точь въ точь такая же занавѣска хранится въ Московской Оружейной Палатѣ. Роиновъ рассказывалъ мнѣ, что спасъ проданную мнѣ занавѣску, которую собирался жечь одинъ Персіанинъ—для получения выжиги.

потомъ сдѣлалъ начинъ по собиранію старинныхъ Русскихъ вещей, купивъ тамъ же серебряный жалованный ковшъ Яицкаго войска.

Въ 1889 году, будучи съ отцомъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ, я купилъ въ Японскомъ отдѣлѣ много художественныхъ предметовъ: ширмы шелковыя, тканья и вышитыя, представляющія съ лицевой стороны четыре времени года, за 6 тысячъ франковъ; другія ширмы съ искусно сдѣланными изъ разныхъ шелковыхъ разноцвѣтныхъ матерій фигурами по золоченому фону, изображающія сцены изъ Японской жизни, за 3 тысячи франковъ; лаковую этажерку (лучшую лаковую вещь, которую продавало Японское правительство) за 6 тысячъ франковъ, и другія Японскія вещи.

Въ то время, когда мой братъ Сергѣй и я были на ярмаркѣ, отецъ, а потомъ и братъ Дмитрій заботились о своевременной высылкѣ намъ товара и ѣздили на фабрики Гюбнера, Цинделя и Прохорова, гдѣ торопили исполнять наши заказы.

Вообще отецъ велъ очень дѣятельную жизнь. Какъ человекъ уже пожилой, онъ ложился спать рано и вставалъ тоже рано; въ театрахъ отецъ обыкновенно не досиживалъ до конца представленія, а въ ложахъ Московскаго Большого театра, гдѣ имѣются комнатки съ диванами, обыкновенно засыпалъ во время Итальянской оперы, несмотря на то, что очень ее любилъ. По утрамъ изъ всей нашей семьи вставалъ раньше всѣхъ отецъ. Передъ тѣмъ какъ спуститься съ верху въ столовую пить кофей, въ халатѣ и туфляхъ, отецъ вызывалъ къ себѣ повара Егора, котораго пробиралъ за не такъ приготовленныя наканунѣ кушанья и заказывалъ завтракъ и обѣдъ на текущій день. Поваръ Егоръ, или, какъ мы его звали, Егоръ Петровичъ, не пилъ, не курилъ и вообще готовилъ хорошо, притомъ былъ очень набожный; даже въ кухнѣ онъ держалъ Библию и въ свободное время читалъ ее, для чего надѣвалъ очки. Егоръ любилъ употреблять кулинарные термины на Французскомъ языкѣ, немилосердно коверкая его; даже кушанье приготовленное по-русски, онъ иначе не называлъ какъ „а-ла-рюсь“*). Поваръ былъ онъ довольно упрямый: когда отецъ говорилъ ему, что надо сдѣлать такъ, Егоръ противорѣчилъ, „а по моему такъ“.

Отецъ любилъ красное вино и былъ большимъ его знаткомъ; Шампанскаго же не переносилъ. Сладкое варенье посыпалъ еще сахаромъ. За завтракомъ и обѣдомъ отцу, чтобы онъ не пачкалъ скатерти,

*) Французскій языкъ вообще коверкаютъ Русскіе повара и трактирщики. Извѣстный трактирщикъ Лопашевъ всегда предлагалъ П. В. Шумахеру кушанье, которое называлъ „бушеглазомъ“, что означало по французски „bouché glacé“; по словамъ Шумахера, это кушанье состояло изъ куска филейной говядины въ густомъ соусѣ въ родѣ столярнаго клея.

клали подъ приборъ клеенку темнаго цвѣта. Однажды у насъ въ первый разъ обѣдалъ прѣхавшій изъ Харькова нѣкій Алчевскій, котораго посадили на мѣсто отца, но позабыли снять клеенку; гость такъ и просидѣлъ весь обѣдъ, ибо, кромѣ моихъ младшихъ братьевъ, никто не обратилъ на это вниманія.

Къ отцу въ столовую каждое утро вызывался артельщикъ Михайло Хайловъ, которому отецъ давалъ разныя порученія; потомъ приходилъ прикащикъ Иванъ Ивановичъ Челышковъ, и отецъ просматривалъ съ нимъ остатокъ долговъ за покупателями. Тому и другому нерѣдко отъ отца доставалось. Какъ-то Хайловъ, стоя у стола, за которымъ отецъ пилъ кофей, оперся руками о столъ; тогда отецъ, не говоря ни слова, всталъ, взялъ стулъ и предложилъ ему сѣсть, чѣмъ конечно очень его сконфузилъ.

Нашего кассира Трепцалина отецъ почему-то называлъ всегда Пиццалинымъ и вообще часто искажалъ фамиліи*). Отецъ былъ сильный брюнетъ; но съ годами волосы на головѣ и борода стали у него сѣдѣть; только однѣ брови, которыя были чрезвычайно густыя, оставались черными. У отца были такіе выразительныя каріе глаза, что отъ одного его взгляда дѣти моментально переставали ревѣть; взглядъ отца дѣйствовалъ и на взрослыхъ; говорилъ онъ всегда очень громко, все равно, было ли это дома, въ гостяхъ, или на улицѣ; даже за границей говорилъ на улицѣ такъ громко, что прохожіе оборачивались; рѣчь у него была ясная и выразительная. Вотъ два его характерныя выраженія: объ одномъ мушинѣ, у котораго было много волосъ на головѣ, отецъ сказалъ, что „у него волосъ на три добрыя драки“; объ одномъ горькомъ пьяницѣ отецъ выразился такъ: „пьетъ запоемъ да еще каждый день пьянъ“.

Изъ столовой отецъ шелъ въ контору и, проходя мимо дѣвичьей, если замѣчалъ какой-нибудь безпорядокъ, то бранилъ горничныхъ, причемъ употреблялъ выраженіе: „хуже пустого мѣста“. Въ конторѣ отецъ просматривалъ торговыя книги и тутъ обыкновенно не обходился безъ замѣчаній конторщикамъ. Изъ конторы отецъ поднимался къ себѣ на верхъ, одѣвался и ѣхалъ на одну изъ трехъ фабрикъ: къ Гюб-

---

*) Мастеръ искажать фамиліи былъ служившій у насъ въ швейцарахъ Егоръ Акимовъ Касьяновъ. Напримѣръ, Роншфора онъ иначе не называлъ какъ *Растворомъ*. Какъ иногда Русскіе люди искажаютъ не только фамиліи, но и самый смыслъ сказаннаго, могу указать на два случая. Мой братъ Дмитрій разъ послалъ своего служащаго купить черныя запонки; служащій вернулся и сказалъ, что черныхъ жаворонковъ нѣтъ. Въ другой разъ братъ поручилъ купить тому же служащему Швейцарскаго сыра; вернувшись тотъ заявилъ, что не нашелъ Цыцарскаго мыла.

неру¹⁾ подь Дѣвичье, или къ Цинделю²⁾ въ Кожевники, или къ Прохорову на Три-Горы, откуда возвращался частью пѣшкомъ, въ то время какъ экипажъ слѣдовалъ за нимъ шагомъ. Послѣ обѣда, если не было гостей, отецъ немного отдыхалъ, а потомъ отправлялся въ театръ или въ гости.

По Четвергамъ у насъ обыкновенно обѣдали нѣсколько человекъ родныхъ и знакомыхъ. Бывали еще врачи: Иванъ Карловичъ Монигетти, Юлій Ивановичъ Вольфъ и Михаилъ Осиповичъ Вивьенъ, драматургъ Константинъ Августиновичъ Тарновскій, Московскій оберъ-полицеймейстеръ А. А. Козловъ, П. В. Шумахеръ, нотариусъ Петръ Дмитріевичъ Перевошиковъ, Степанъ Степановичъ Стрекаловъ, маклеръ Александръ Яковлевичъ Верленъ и другіе. Врачъ императорскихъ Московскихъ театровъ И. К. Монигетти, лѣчившій отца, принадлежалъ къ числу мало разговорчивыхъ людей; послѣ него отца сталъ лѣчить Юлій Ивановичъ Вольфъ³⁾, весьма деликатный и обстоятельный врачъ, подолгу спрашивавшій пациента и подолгу дававшій совѣты. Совѣтъмъ въ другомъ родѣ былъ врачъ Михаилъ Осиповичъ Вивьенъ, по специальности акушеръ, „Accoucheur de la ville de Moscou“, какъ значилось у него на визитныхъ карточкахъ, бывавшій у насъ лишь въ качествѣ гостя. Болѣе веселаго, жизнерадостнаго человека я не встрѣчалъ. Несмотря на свои почтенные годы и сѣдые волосы, Михаилъ Осиповичъ отличался замѣчательной подвижностью; танцевалъ онъ, въ особенности мазурку, какъ никто. Въ жилахъ Вивьена текла Французская кровь; хотя его предки (Вивьенъ-де-Шатобренъ) и были Французы, но самъ онъ, кромѣ Русскаго, собственно не говорилъ ни на какомъ языкѣ. Онъ былъ большой каламбуристъ и забавный шутникъ. Когда его спрашивали, гдѣ онъ останавливается въ Парижѣ, онъ отвѣчалъ: „въ своей улицѣ—рю Вивьенъ“. Въ Біаррицѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ П. И. Гучковымъ въ пансіонѣ г-жи Жилосъ. Вспоминая о жизни въ этомъ пансіонѣ, Вивьенъ говорилъ: „у мадамъ Жилосъ какъ намъ жилось“. Изъ поѣздки въ Марсель онъ только и вспоминалъ объ одной большой бутылкѣ коньяку, поданной въ какой-то кофейнѣ. Когда Михаила

¹⁾ А. О. Гюбнеръ жилъ на фабрикѣ, гдѣ у него былъ садъ. Въ саду было много цвѣтовъ и стояла большая желѣзная клѣтка, въ которой лѣтомъ сидѣло множество разнообразныхъ пѣвчихъ птицъ. Впослѣдствіи Гюбнеръ купилъ себѣ домъ въ Парижѣ, въ улицѣ Тѣнеган, куда переѣхалъ вмѣстѣ со всей своей семьей и гдѣ жилъ зимой. Лѣтомъ Гюбнеръ жилъ на своей виллѣ близъ Базеля, въ Сизахъ, въ чрезвычайно живописной мѣстности.

²⁾ При Цинделевской фабрикѣ былъ прекрасный фруктовый садъ, за которымъ ухаживалъ самъ старикъ Эмиль Эмильевичъ Циндель, основатель фабрики. Циндель, какъ и Гюбнеръ, былъ Эльзасецъ.

³⁾ Родной братъ Альфонсины Ивановны Постниковой.

Осиповича спрашивали меню какого-нибудь обѣда, онъ обыкновенно скороговоркой отвѣчалъ: „супъ—щи, пироги—ватрушки, рыба-раки, говядина—телятина, пирожное—мороженое“. Чай онъ называлъ брандахлыстомъ; за то вино, водки и ликеры такъ уважалъ, что нерѣдко пилъ ихъ не въ мѣру. Наливая себѣ въ стаканъ вино, Вивьенъ говорилъ:

„Rempli ton verre vide,
Bois ton verre plein
Et fais qu'il soit ni plein, ni vide“.

Михайлъ Осиповичъ очень мило пѣлъ оперу, въ которой мотивы были взяты главнымъ образомъ изъ оперы „Марта“, а слова неизвѣстно откуда. Начало дѣйствія этой оперы происходитъ въ Марьиной рощѣ, и самоварщицы поютъ:

„Чашки чисты,
Чай душистый,
Москворѣцкая вода,
Вы пожалуйста сюда,
Всечестные господа“.

Далѣе Вивьенъ пѣлъ: „Играетъ музыка принца Фридриха Карла полка, кака, кака, кака“. Последнее дѣйствіе заканчивалось въ полицейскомъ участкѣ и въ заключеніе Михайлъ Осиповичъ пѣлъ: „Былъ вѣрно пьянъ мосе Вивьенъ“. Онъ также отлично читалъ наизусть „Маіора“ Ѳедотова, „Гросъ-Фатера“ и „Сенсаціи госпожи Курдюковой“ Мятлева. „Сенсаціи“ онъ читалъ такъ хорошо, что какая-то важная особа сказала ему: „вы примирили меня съ Мятлевымъ“. О своей акушерской дѣятельности (Вивьенъ былъ полицейскимъ врачомъ) онъ говорилъ, что другіе врачи отправляютъ людей на тотъ свѣтъ, онъ же—на этотъ. На маскарадъ къ Д. П. Боткину Михайлъ Осиповичъ явился разъ въ костюмѣ яко бы баши-бузука: въ красной фескѣ, съ ятаганомъ за поясомъ. Къ намъ на вечеръ онъ пріѣхалъ въ домино и въ кошачьей маскѣ, причемъ такъ мяукалъ и фыркалъ, какъ настоящая кошка. Однажды въ Парижѣ въ театрѣ Вивьенъ сидѣлъ въ креслахъ; къ нему сталъ обращаться съ вопросами на Англійскомъ языкѣ сидѣвшій съ нимъ рядомъ Англичанинъ, на что Вивьенъ все время отвѣчалъ: „oh yes!“ Должно быть на послѣдній вопросъ Михайлъ Осиповичъ отвѣтилъ невпопадъ, потому что Англичанинъ разсерженнымъ тономъ спросилъ: „mais, monsieur, parlez vous anglais?“

Вивьенъ одинъ разъ пріѣзжалъ въ Нижній на ярмарку и останавливался у насъ въ лавкѣ. На ярмаркѣ онъ ходилъ въ красной фескѣ. Проходя какъ-то ночью мимо трактира Бубнова, гдѣ на балконѣ сидѣли

арфистки, Вивьень вдругъ громко зашѣлъ: „Привѣтъ тебѣ, пріютъ родимый!“ О некрасивыхъ лицахъ Михайль Осиповичъ говорилъ: „у него или у нея лицо *рылотливное*“. Про одну монахиню онъ выразился такъ: „была монашенка, а стала мамашенькой“.

Вивьень уже подъ конецъ своей жизни женился на Мулаткѣ, съ острова св. Ѳомы. Свадьба состоялась у него на квартирѣ, на Цвѣтномъ бульварѣ. Вѣнчалъ пасторъ Диггофъ. Вивьень былъ Католикъ, а Мулатка—Лютеранка. На свадьбѣ присутствовало очень мало приглашенныхъ: Московскій виноторговецъ Александръ Ивановичъ Арабажи, мой братъ Дмитрій, я, да еще кто-то. Послѣ вѣнчанія былъ обѣдъ. Вивьень называлъ свою жену „Арабишъ-фантазія“ и лѣтомъ жилъ съ ней на дачѣ въ Перервѣ. Однажды я съ братомъ Дмитріемъ навѣстили молодыхъ въ Перервѣ. Михайль Осиповичъ шутилъ со своей Мулаткой и расчесывалъ ей курчавые жесткіе волосы щеткой изъ желѣзной проволоки, въ родѣ скребницы, какой чистятъ лошадей. Впослѣдствіи, безъ вѣдома Михаила Осиповича, Мулатка открыла въ Москвѣ прачешное заведеніе подъ вывѣской: „Прачешная госпожи Вивьень“. Михайль Осиповичъ распорядился снять эту вывѣску. Въ 1887 году М. О. Вивьень захворалъ и умеръ. Мой братъ и я были на отпѣваніи въ костелѣ, что въ Милютинскомъ переулкѣ¹⁾.

Насколько много было естественнаго въ Вивьенѣ, настолько много напускнаго въ Константинѣ Августиновичѣ Тарновскомъ. Старикъ высокаго роста, полный, совершенно лысый, съ остроконечной бородкой, всегда болѣе или менѣе эксцентрично одѣтый, въ широкихъ брюкахъ, которыя книзу суживались, Константинъ Августиновичъ напоминалъ Французскаго отставнаго военнаго времянь Наполеона III. Если Тарновскій не могъ кого переспорить, то во всякомъ случаѣ могъ перекричать²⁾. Константину Августиновичу, порядкомъ вравшему,

¹⁾ У М. О. Вивьена было два брата: архитекторъ (Эдуардъ) и пьянистъ. Племянникъ Михаила Осиповича дирижировалъ оркестромъ у Лентовскаго въ Эрмитажѣ. На Воздвиженкѣ находилась бібліотека Вивьена, принадлежавшая другому племяннику Михаила Осиповича. Въ Петровскомъ-Разумовскомъ Михайль Осиповичъ имѣлъ свои дачи, но онѣ были заложены. Въ своей квартирѣ на Цвѣтномъ бульварѣ Вивьень сдавалъ наймы комнату клоунамъ изъ цирка Соломонскаго.

²⁾ К. А. Тарновскій былъ другомъ дома въ семьѣ графа А. А. Закревскаго. Маркевичъ изобразилъ Константина Августиновича въ своемъ романѣ „Четвергъ вѣка назадъ“. Какъ графиня Аграфена Ѳедоровна, такъ и ея дочь Лидія Арсеньевна Закревскія не отличались цѣломудріемъ. Лидія Арсеньевна была красивая, нѣсколько полная блондинка съ голубыми глазами. (Мнѣ пришлось видѣть ее въ Лионѣ, уже старушкой). Пикулинъ рассказывалъ, что Лидія Арсеньевнѣ понравился молодой, красивый часовщикъ, приходившій заводить часы въ генераль-губернаторскомъ домѣ. Полураздѣтая, лежа на постели, она ожидала прихода часовщика. Но вмѣсто молодого, красиваго пришелъ уродливый старикъ. Отъ Пикулина же я слышалъ, что актера Самарина, отличавшагося въ молодости красотой, возили къ Лидіи Арсеньевнѣ.

мой отецъ говариваль: „если и четверть того, что вы рассказываете, правда,—и то хорошо“. Вивьенъ называль Константина Августиновича „Konstantin“ и „Паномъ Твардовскимъ“. Тарновскій говорилъ Вивьену: „ты изъ вѣры вышелъ“, на что послѣдній отвѣчалъ: „ошибаешься, мою мать вовсе не звали Вѣрой“.

Александръ Александровичъ Козловъ рассказываль много забавнаго о своей службѣ въ Петербургѣ. Такъ, когда онъ былъ тамъ градоначальникомъ, однажды ему донесли, что на Васильевскомъ островѣ, у одной купчихи-вдовы бываютъ студенческія сходки. Козловъ вызваль къ себѣ эту купчиху и прикрикнулъ было на нее за то, что у нея собираются сходки: „Какія, батюшка, сходки! завопила смущенная купчиха: студенты—это мои „пѣтушки““. И дѣйствительно оказалось, что вдова только прикармливала студентовъ.

П. В. Шумахеръ любилъ проводить время въ нашей семьѣ. Безподобный рассказчикъ, много видѣвшій на своемъ вѣку, онъ бываль всегда желаннымъ гостемъ. П. В. Шумахеръ былъ очень начитанъ; зналь въ совершенствѣ Нѣмецкій, Французскій и Англійскій языки, на которыхъ даже сочиняль стихи; свободно читаль Малороссійскія, Польскія и Итальянскія книги. Пользуясь книгами моего собранія, Шумахеръ при чтеніи дѣлаль карандашемъ на поляхъ книгъ замѣтки, которыя всегда были интересны и часто остроумны. Навѣщаль и я Шумахера зимой, когда онъ жилъ у Н. Х. Кетчера, потомъ у Перфильевыхъ на Тверской, въ губернаторскомъ домѣ, затѣмъ въ Страннопріимномъ домѣ графа Шереметева, у Сухаревой башни; лѣтомъ навѣщаль его въ „Забытой усадьбѣ“, въ Спаскомъ, близъ Новаго Іерусалима и въ Кусковѣ, въ „Голландскомъ домикѣ“.

У Н. Х. Кетчера Шумахеру не жилось. Недаромъ актеръ Вильде сказалъ Петру Васильевичу относительно его житія у Кетчера:

„Лѣтами ты ужъ старъ, да сердцемъ живъ и молодъ;
Не слѣдъ бы жить тебѣ, гдѣ мразъ и смерти холодъ“.

Съ Василиемъ Степановичемъ*) и Прасковьей Ѳедоровной Пер-

---

*) В. С. Перфильеву по дѣламъ службы часто приходилось ѣздить по уѣздамъ Московской губерніи. Въ Вереѣ, въ домѣ одного старообрядца, гдѣ ему была отведена квартира, на стѣнѣ висѣль въ золоченой рамкѣ написанный уставомъ листъ слѣдующаго содержанія:

„Аристотель книга говорить тако:
В. Что лучше злата?
О. Яхонтъ.
В. Что лучше яхонта?
О. Добродѣтель.
В. Что лучше добродѣтели?
О. Богъ.“

фильевыми Шумахеръ очень сошелся, въ особенности съ послѣдней. Но и у нихъ онъ не былъ увѣренъ, что можетъ спокойно провести остатокъ своей жизни, ибо квартира, занимаемая ими, была казенная; возможно было и перемѣщеніе по службѣ Василя Степановича куда-нибудь внѣ Москвы; наконецъ, могли Перфильевы и умереть. Поэтому Шумахеръ чрезвычайно обрадовался, когда, благодаря графу Сергію Дмитріевичу Шереметеву, онъ могъ не только переѣхать въ Страннопріимный домъ, но и поселиться тамъ въ отдѣльной комнатѣ, а не въ одной изъ общихъ палатъ для призрѣваемыхъ, и имѣть отдѣльный столъ.

„Забытая усадьба“, гдѣ Шумахеръ прожилъ одно лѣто до поздней осени, была дѣйствительно *забытая*, ибо въ ней не жило ни души, и все было запущено: барскій домъ, службы и паркъ. Въ этой усадьбѣ все было предоставлено въ полное распоряженіе Петра Васильевича. Близъ усадьбы находилось имѣніе глазнаго врача Алексѣя Николаевича Маклакова Дергайково. Шумахеръ въ усадьбѣ жилъ анахоретомъ: самъ готовилъ себѣ пищу; только иногда заглядывалъ къ нему староста Андрей Ивановъ, который ѣздилъ въ Москву, при чемъ исполнялъ порученія Петра Васильевича. Крестьяне приносили Шумахеру куръ, цыплятъ, молоко, масло, яйца, ягоды, грибы. Въ барскомъ домѣ нашлась небольшая библіотека, состоявшая изъ старинныхъ книгъ, разборомъ коихъ занялся Петръ Васильевичъ.

Переѣхавъ въ Страннопріимный домъ, Шумахеръ сталъ жить лѣтомъ въ Кусковѣ, гдѣ по распоряженію графа С. Д. Шереметева,

В. Что лучше Бога?

О. Ничто.

В. Что злѣе тигра?

О. Аспидъ.

В. Что злѣе аспида?

О. Демонъ.

В. Что злѣе Демона?

О. Злая жена.

В. Что злѣе Демона?

О. Ничто.

Аще бы было все небо—бумага, всѣ моря—чернила, всѣ звѣзды—перья, всѣ ангелы—писцы, то и тогда не могли бы женскаго лукавства описать“.

В. С. Перфильевъ былъ пріятелемъ генералъ-адъютанта Черевина, съ которымъ бывалъ въ разныхъ ресторанахъ. Между прочимъ Черевинъ прислалъ Василю Степановичу прейскурантъ новооткрывшагося въ Петербургѣ трактира, въ родѣ Тѣстова въ Москвѣ. Въ этомъ прейскурантѣ темная водка была переведена по французски: „Eau de vie de Tmip“; здѣшняя—„d'ici“, бѣлая померанцевая—„de Pomeranie blanche“.

У Прасковьи Федоровны въ квартирѣ имѣлся, можно сказать, маленькій звѣринецъ; между прочимъ были бѣлый какаду и обезьяна мартышка, которую звали Яшкой; этотъ Яшка много проказничалъ.

ему отдали „Голландскій домикъ“; завтракъ и обѣдъ Шумахеръ получалъ отъ управляющаго Кусковымъ, главнаго садовника, Нѣмца Пича.

Шумахеръ по временамъ страдалъ отъ подагры, почему И. С. Тургеневъ называлъ его своимъ коллегой по литературѣ и подагрѣ. Разъ Шумахеру пришла въ голову странная мысль: выморозивать подагру изъ своей ноги. Онъ поѣхалъ на извозчикѣ въ сильный морозъ, надѣвъ на больную ногу лишь одинъ нитяный чулокъ. Лѣчилъ онъ свою ногу и копытной мазью Иванова. Универсальнымъ же средствомъ почти отъ всѣхъ болѣзней была у Шумахера баня. Живя въ Спасскомѣ, онъ ѣздилъ въ Новый Иерусалимъ, гдѣ мылся въ банѣ у настоятеля монастыря и гдѣ такъ сильно парился, что разъ паромъ вышибло оконную раму, и служба чуть не вылетѣла изъ парильни. Въ Москвѣ Шумахеръ посѣщалъ Сандуновскія бани, куда отправлялся на весь день и гдѣ долго мылся и сильно парился. На полкѣ Шумахеръ обыкновенно выпивалъ бытулку ледяного квасу прямо изъ горлышка. Парилъ его два баньщика. Потомъ Петръ Васильевичъ спалъ нѣсколько часовъ въ раздѣвальной. У себя въ комнатѣ Шумахеръ клалъ подъ голову сухой банный вѣнникъ, когда отдыхалъ на диванѣ. Шумахеръ воспѣлъ въ стихахъ и подагру, и баню. Въ комнатѣ у него всегда была чистота и все прибрано; во всемъ онъ былъ аккуратенъ. Зимой Шумахеръ любилъ заходить въ кондитерскую Сіу на Тверской, гдѣ пилъ шоколадъ и ѣлъ пирожки съ яблоками (*rommes en chemises*), и гдѣ надъ большой, тучной его фигурой, во время его ѣды, барышни-продавицы подсмѣивались, переглядываясь между собой. Пить и ѣсть Шумахеръ могъ много. Случалось, что въ одинъ вечеръ онъ выпивалъ до девяти бутылокъ Бургонскаго и не былъ пьянъ, а напротивъ—дѣлался краснорѣчивѣе. Если ставили передъ Петромъ Васильевичемъ бутылку съ коньякомъ, или шартрезомъ, или съ другимъ какимъ-нибудь крѣпкимъ напиткомъ, то онъ считалъ невѣжливымъ оставлять бутылку невыпитою. Когда Шкоттъ говорилъ Шумахеру: „вы пьяница“, тотъ отвѣчалъ: „отъ пьяницы слышу“. Блиновъ Шумахеръ съѣдалъ изрядное количество и ѣлъ ихъ, разрывая пальцами, находя, что такъ они вкуснѣе. Курилъ онъ и папиросы, и сигары, но предпочиталъ курить табакъ въ трубочкѣ*).

---

*) У Шумахера видѣлъ я транспарантъ съ печатной надписью: „Печатать дозволяется. Цензоръ“ такой-то. Шумахеръ рассказывалъ, что въ молодости Грейгъ, будущій министръ финансовъ, служилъ подъ его, Шумахера, начальствомъ, въ какомъ-то департаментѣ, и чинилъ ему гусиные перья (стальныхъ перьевъ тогда еще не употребляли). „Мажетъ“, говорилъ Шумахеръ Грейгу, и бросалъ перо, и Грейгъ опять принимался чинить, пока не удовлетворялъ Шумахера.

Степанъ Степановичъ Стрекаловъ, женатый на извѣстной благотворительницѣ, кавалерственной дамѣ, Александрѣ Николаевнѣ *) былъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ, деликатный, пріятный собесѣдникъ. Несмотря на свои преклонныя лѣта, Степанъ Степановичъ любилъ хорошо покушать, и выпить и поиграть въ карты.

П. Д. Перевощиковъ былъ сынъ извѣстнаго астронома, а А. Я. Верленъ, очень дѣльный маклеръ, черезъ котораго отецъ покупалъ миткаль.

Всѣ вышеназванныя лица были болѣе или менѣе постоянными посѣтителями нашихъ Четверговъ. Бывали также у насъ, а скорѣе приходили ко мнѣ, цензоръ Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ, Дмитрій Васильевичъ Каншинъ и Юрій Дмитріевичъ Филимоновъ.

М. Н. Ремезовъ, большой труженикъ, по окончаніи службы въ цензурѣ, сталъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ журналѣ „Русская Мысль“, въ которомъ занимались переводами его жена и дочь. Сынъ Митрофана Ниловича, полковникъ, въ настоящее время командиръ Самогитскаго полка.

Д. В. Каншинъ устроитель дешевыхъ столовыхъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ его столовой на Никитскомъ бульварѣ, теперь уже не существующей, Дмитрій Васильевичъ угостилъ разъ П. В. Шумахера и меня вкуснымъ обѣдомъ.

Археологъ Юрій Дмитріевичъ Филимоновъ занималъ должность хранителя Московской Оружейной Палаты и хранителя христіанскихъ и Русскихъ древностей при Румянцевскомъ Музеѣ. Будучи студентомъ, Юрій Дмитріевичъ описалъ собраніе старинныхъ вещей Карабанова, въ которомъ было много поддѣлокъ, чего тогда онъ еще не вѣдалъ. Карабановское собраніе было приобрѣтено Погодинымъ, а отъ него куплено для Московской Оружейной Палаты. Юрій Дмитріевичъ былъ человѣкъ прямой: занимаясь въ Оружейной Палатѣ, онъ, не стѣсняясь дворцовой прислуги, вслухъ ругалъ своего непосредственнаго начальника, называя его солдатомъ и дуракомъ. Когда К. Т. Солдатенковъ отказался дать деньги на какое-то научное изданіе, то Филимоновъ ему въ лицо сказалъ: „вы не Козьма Медичи, а какой-нибудь Козьма-кучеръ“. Иногда Юрія Дмитріевича можно было застать въ гардеробной Румянцевскаго Музея, гдѣ, сидя въ виць-мундирѣ со звѣздой, онъ курилъ папирсы и бесѣдовалъ со швейцарами-солдатами. Какъ археологъ, Юрій Дмитріевичъ былъ весьма опытный, и у него можно было многому научиться по части археологіи. Съ Юріемъ Дмитріевичемъ

---

*) А. Н. Стрекалова, урожденная княжна Касаткина-Ростовская, родилась въ 1821 году, семнадцати лѣтъ вышла замужъ за С. С. Стрекалова; умерла въ 1904 году.

чемъ я разбиралъ старинныя ткани и шитье въ складѣ Оружейной Палаты. Жилъ Филимоновъ въ Кремлѣ, у Спасскихъ воротъ, въ домикѣ рядомъ съ гауптвахтой. Въ 1898 году 26 Мая Юрій Дмитріевичъ умеръ въ Сухумѣ.

Въ 1882 году я сдѣлался членомъ Московскаго Англійскаго клуба*), гдѣ уже состояли членами мой отецъ и братъ Николай, и сталъ бывать тамъ на Субботнихъ обѣдахъ.

Между членами клуба было много военныхъ генераловъ: Манзей (старшина), Дукмасовъ, Бискупскій, А. А. Козловъ, графъ Олсуфьевъ, князь М. М. Голицынъ, графъ В. О. Келлеръ и другіе. Въ клубъ же познакомился я съ адмираломъ Асланбеговымъ и съ капитаномъ 1-го ранга Калагерасомъ, командиромъ клипера „Навѣзникъ“. На этомъ клиперѣ совершилъ кругосвѣтное плаваніе сынъ Петра Ивановича Бартенева, знакомый мнѣ Иванъ Петровичъ.

*) Московскій Англійскій клубъ—старѣйшій изъ Московскихъ клубовъ, вслѣдствіе того, что во время пожара 1812 года лишился всего своего архива, не знаетъ ни дня, ни года своего основанія. Въ напечатанномъ мною документѣ (см. „Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина“, М. 1898, 5-я часть, стр. 227) „Опредѣленіе Московской Полиціймейстерской Канцеляріи, 6 Іюня 1772 года“ сказано, что Англійскій клубъ содержали въ этомъ году Французы Петръ Павловъ Тюлье и Леопольдъ Годенинъ въ Красномъ Селѣ, въ домѣ графа Карла Ефимовича Сиверса. Въ Архивѣ Министерства Юстиціи, въ дѣлахъ Каменнаго приезда, упоминается въ Нѣмецкой слободѣ, въ Посланниковой улицѣ, въ домѣ Годенна, „Англійскій Клубъ“. Въ третьемъ номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1783-й годъ тоже упоминается Англійскій Клубъ въ Нѣмецкой слободѣ. Въ „Копіи съ дѣла о переводѣ Моск. Англійскаго клуба въ домъ князя Ю. В. Долгорукова, 1790 года“ (см. „Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина“, М. 1901, 8-я часть, стр. 427) приведенъ весь уставъ Англійскаго клуба того времени. Въ 1793 году Англійскій клубъ помѣщался въ домѣ княгини Черкасской, между Никольскими и Ильинскими воротами. Слѣдовательно столѣтіе его существованія давно уже миновало. Въ 1802 году Англійскій клубъ былъ открытъ на Петровѣ, въ домѣ князя Гагарина. (Въ этомъ домѣ теперь помѣщается Ново-Екатерининская больница). Съ Петровки клубъ перешелъ на Большую Дмитровку, въ домъ Муравьева (впослѣдствіи Лицей Каткова, затѣмъ „Салонъ де Варьетэ“, а оттуда на Тверскую, въ домъ графа Разумовскаго (прежде домъ писателя Хераскова), гдѣ онъ находится и теперь. Изъ всего вышесказаннаго видно, что Московскій Англійскій клубъ часто мѣнялъ свое помѣщеніе. Въ пятой же части моего „Сборника стар. бумагъ“ (стр. 228) напечатано заявленіе 19-ти членовъ Англійскаго клуба къ старшинамъ этого клуба: „обратиться съ просьбою къ Московскому Военному генералъ-губернатору графу Закревскому, дабы онъ исходатайствовалъ одному клубу Всемилостивѣйшее разрѣшеніе не называться долѣ Англійскимъ Клубомъ, а Московскимъ Собраніемъ“. У меня нѣтъ: одинъ билетъ Англійскаго клуба, выданный на 1818-й годъ Николаю Ивановичу Тургеневу, и два билета того же клуба 1826 и 1827 г., подписанные старшиной-Англичаниномъ „Thomas Pickersgill“. На всѣхъ этихъ билетахъ въ орнаментальныхъ рамкахъ напечатано: „Знакъ для входа въ Англинское Собраніе“, на такой-то годъ.

Въ Англійскомъ клубѣ были старики-члены, которые обижались, если кто нибудь садился, даже по незнанію, на кресла, на которыхъ они привыкли сидѣть много лѣтъ. Членъ Иванъ Васильевичъ Чижевъ, напоминавшій Фальстафа въ „Виндзорскихъ Кумушкахъ“, пилъ много Шампанскаго, которое въ видѣ пота выходило у него изъ безволосой головы. Старикъ Михаилъ Михайловичъ Похвисневъ, пріятель С. С. Стрекалова, по Субботамъ нарочно садился на краю обѣденнаго стола, съ котораго начинаютъ обносить кушанье и, любя мороженое, сваливалъ себѣ на тарелку громадную порцію, а пуншь-гласе бралъ пять-шесть бокаловъ. Столѣтній Геннадій Владимировичъ Грудневъ, состоявшій на государственной службѣ уже въ 1812 году, ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Когда официантъ спрашивалъ его: „супъ или щи?“ Геннадій Владимировичъ отвѣчалъ: „семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ; давай щей“. Отставной гвардіи полковникъ Казаковъ, имени котораго пріютъ для дворянъ находится на Поварской, несмотря на то, что былъ слѣпъ, пріѣзжалъ на Субботніе обѣды. За стуломъ Казакова всегда стоялъ его слуга и накладывалъ ему на тарелку кушанья; Казаковъ же самъ, безъ посторонней помощи, рѣзалъ и ѣлъ. Князь П. В., которому дома, вслѣдствіе запрещенія врача, не давали ни водки, ни закуски, заѣзжалъ въ Англійскій клубъ, чтобы наскоро выпить рюмку водки и закусить, послѣ чего отправлялся домой обѣдать. Богатый, но скупой В. И. Я. пилъ только яблочный квасъ, а вино лишь тогда, когда его угощали. Разъ только, по случаю какого-то радостнаго событія въ его семьѣ, онъ разошелся и спросилъ бутылку Донскаго, которымъ сталъ угощать своихъ знакомыхъ. При этомъ мой отецъ иронически замѣтилъ ему, что „мы не казаки и по случаю такой семейной радости слѣдовало бы выпить настоящаго Шампанскаго“. Анатолій Васильевичъ Каншинъ, съ черной шелковой повязкой на одномъ глазу, извѣстный любитель Цыганъ, носившій прозвище „Цыганскаго Каншина“, со своимъ пріятелемъ Николаемъ Николаевичемъ Дмитріевымъ пили исключительно дорогія вина. Дмитріевъ съ пренебреженіемъ относился къ членамъ клуба, которые играли въ карты по небольшой ставкѣ; „перехватить съ нихъ какую-нибудь сотню рублей“, говаривалъ онъ, „не стоитъ и мараться“. Когда Дмитріевъ проходилъ мимо хора пѣвицъ, пѣвшихъ иногда въ клубѣ, то всегда съ презрѣніемъ показывалъ имъ языкъ.

Московскій генераль-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ тоже посѣщалъ Англійскій клубъ, гдѣ игралъ на билліардѣ съ маркеромъ, или слушалъ Русскій хоръ А. З. Ивановой *).

*) Князь В. А. Долгоруковъ всегда присутствовалъ на предводительскихъ балахъ. На одинъ изъ этихъ баловъ явился молодой человекъ въ красномъ фракѣ, что не по-

Иногда я ходилъ съ отцомъ по Вторникамъ обѣдать въ Купеческій клубъ. Въ то время однимъ изъ членовъ, этого клуба былъ товарищъ прокурора Московскаго окружнаго суда графъ Алексѣй Павловичъ Барановъ, женатый на танцовщицѣ Петербургскаго балета, красивой А. Ф. Веригиной. Графъ Барановъ любилъ острить. Напримѣръ, увидавъ одного своего знакомаго въ шляпѣ съ очень большими полями, онъ сказалъ ему: „вы напоминаете мнѣ Кочубея: „его поля необозримы“. Однажды графъ хотѣлъ сѣсть въ кушѣ вагона желѣзной дороги, но былъ остановленъ кондукторомъ, заявившимъ ему, что купѣ занято однимъ извѣстнымъ миллионеромъ (Евреемъ); графъ отвѣтилъ: „я не брезгливъ“. Когда графъ встрѣчалъ въ клубѣ Семена Ивановича Лямина, одѣвавшагося довольно эксцентрично, то начиналъ напѣвать на мотивъ „Венеціанскаго Карнавала“: „Се-менъ И-ванычъ Ля-минъ“.....

Малый театръ находился еще въ апогеѣ своей славы. Въ „Свадьбѣ Кречинскаго“ отличались Шумскій и Провъ Михайловичъ Садовскій; въ „Заколдованномъ принцѣ“ былъ неподобенъ Разказовъ; прекрасно исполнялъ роль Француза-гувернера въ пьесѣ „Гувернеръ“—Петровъ, а въ „Ямщикахъ“—старосту старикъ Степановъ¹⁾. Никто не игралъ такъ хорошо свахъ и купчихъ какъ Акимова, а чиновниковъ и лакеевъ—Никифоровъ²⁾. Даже незначительныя роли исполнялись мастерски. Помню, въ одномъ водевилѣ Живокини вынималъ изъ своего кармана дырявый носовой платокъ и, обращаясь къ публикѣ, говорилъ: „у меня такихъ съ полдюжины“. Въ другомъ водевилѣ участвовали на сценѣ музыканты, которымъ Живокини долженъ былъ раздавать ноты; но ноть была всего одна тетрадка; Живокини рвалъ тетрадку на клочки, и эти клочки раздавалъ музыкантамъ.

правилось князю, и полиція попросила красныя фракъ удалиться съ бала. На балахъ у князя В. А. Долгорукова въ генераль-губернаторскомъ домѣ ужинъ подавали поздно, когда большая часть гостей уже разъѣдется. Князь спрашивалъ нѣсколько разъ во время бала: сколько остается гостей? И когда находилъ, что уѣхало достаточно, то приказывалъ подавать ужинъ. Одна изъ первыхъ красавицъ, фигурировавшая на тогдашнихъ балахъ, была Марья Семеновна Пустовалова.

¹⁾ Въ прежнее время Степановъ, игравшій въ „Горе отъ ума“ князя Тугоуховскаго, копировалъ извѣстнаго князя Гагарина, который показывался на всѣхъ Московскихъ гуляньяхъ въ коричневомъ фракѣ и со звѣздой. Часто можно было видѣть князя верхомъ, во фракѣ и со звѣздой. Въ „Горе отъ ума“ Степановъ сдѣлалъ самъ себѣ парикъ изъ лисьего мѣха и надѣлъ звѣзду, снятую съ военнаго чепрака (носить на сценѣ настоящую запрещали). Относительно разныхъ театральныхъ запрещеній тогда и на Западѣ было не лучше, чѣмъ въ Россіи. Напримѣръ, въ Австріи запрещали Мefистофелю надѣвать красное трико, потому что красныя штаны носили Австрійскіе генералы. Въ Римѣ, во время папъ, балетныя танцовщицы должны были носить трико зеленаго цвѣта.

²⁾ Никифоровъ былъ мастеръ готовить столовую горчицу, которую дарилъ пріятелямъ.

Въ Большомъ театрѣ еще давались маскарады, для чего сцену соединяли съ зрительнымъ заломъ. Въ одномъ изъ этихъ маскарадовъ оказался пьяный господинъ; блюститель порядка, приставъ, увидавъ его, строго обратился къ нему со словами: „я велю васъ сейчасъ вывести“. Пьяный, и безъ того искавшій тщетно выхода изъ театра, съ радостью воскликнулъ: „сдѣлайте милость, буду вамъ очень благодаренъ“.

Въ былое время верхній и нижній Прѣсенскіе пруды соединялись между собою туннелемъ, находившимся подъ Прѣсенскимъ мостомъ. Въ нижнемъ саду былъ выстроенъ театръ, гдѣ Новиковъ содержалъ Русскую оперу. У Новикова пѣла Кадмина, впоследствии кончившая жизнь самоубійствомъ. И. С. Тургеневъ, въ своей повѣсти „Клара Милитчъ“, изобразилъ Кадмину. На открытой сценѣ въ нижнемъ Прѣсенскомъ саду давались разнообразныя представленія и пѣли Француженки.

Въ настоящее время восхищаются постановками піесъ Московскаго Художественнаго театра. Въ 80-хъ годахъ, т. е. лѣтъ тридцать тому назадъ, въ Москву пріѣзжала Мейнингенская труппа, отличавшаяся такъ же, какъ и Художественный театръ, отсутствіемъ выдающихся актеровъ и актрисъ, но зато замѣчательная по сценическимъ постановкамъ. Въ послѣднемъ отношеніи Мейнингенцы пожалуй даже превосходили Художественный театръ. Напримѣръ, въ драматической трилогіи Шиллера „Лагерь Валленштейна“, „Пиколомини“ и „Смерть Валленштейна“ декорации, костюмы, мебель, вся обстановка, до послѣдняго стакана, были археологически вѣрны, чего нельзя сказать о Художественномъ театрѣ, гдѣ напримѣръ, тоже въ драматической трилогіи графа Алексѣя Толстого „Смерть Іоанна Грознаго“, „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ“ и „Борисъ Годуновъ“ замѣчались нѣкоторые недочеты: на боярыняхъ сарафаны были сшиты изъ Русскихъ матерій конца XVIII и начала XIX в., а на боярахъ одежда, вмѣсто того чтобы быть сдѣлана изъ восточной или западной фасонной бархатной парчи XVI и XVII в., была изъ манчестера, аляповато расписаннаго красками; чтò касается до декораций, то ихъ иногда ставили слишкомъ близко къ рампѣ, такъ что невольно бросалась въ глаза ихъ грубая техника.

Въ 80-хъ же годахъ въ Солодовниковскомъ пассажѣ былъ театръ, въ которомъ процвѣтала Французская оперетка.

Лѣтомъ 1883 года Московскую публику весьма привлекали скороходы, бѣгавшіе въ саду „Эрмитажъ“ у Лентовскаго. Во время бѣга у одного скорохода лопнули штаны, такъ что было видно голое тѣло. Бѣгали также и женщины; при этомъ изъ толпы слышались громкія

замѣчанія: „понатужься, блондинка!“ и т. п. Ахенбахъ заставлялъ на бульварахъ мальчишекъ бѣгать въ перегонку за деньги. Въ Нижегородской ярмаркѣ (на мѣстѣ, гдѣ бывають скачки) Русскій газетчикъ перегналъ скорохода мистера Кинга.

Въ одинъ прекрасный день поѣхалъ я съ К. А. Тарновскимъ по Рязанской желѣзной дорогѣ къ инженеру Николаю Ивановичу Ильину, въ имѣніе Быково, раньше принадлежавшее графу Воронцову-Дашкову. Быково было продано Ильину всего за 125 тысячъ рублей. Въ барскомъ каменномъ домѣ было все оставлено: мебель, бронза, фарфоръ, библиотека и даже фамилные портреты и вина. Передъ обѣдомъ мы вдвоемъ съ Тарновскимъ ходили въ отлично устроенный винный подвалъ, гдѣ выбрали къ обѣду хорошаго рейнвейна. Въ библиотекѣ оказалось собраніе рѣдкихъ Англійскихъ каррикатуръ.

Въ 1882 году моя сестра Ольга вышла замужъ за Александра Ивановича Юста, который управлялъ имѣніями А. А. Фета*), а потомъ имѣніями Боткиныхъ. Однажды навѣстилъ я Фетовъ въ ихъ имѣніи Воробьевкѣ. Они жили въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ; при домѣ былъ прекрасный вѣковой паркъ, въ которомъ протекала рѣчка Тускаръ. Въ Воробьевкѣ на открытомъ воздухѣ созрѣвали отличные персики-венусы, а Фетовскій поваръ приготовлялъ вкусную яблочную пастилу. Единственное неудобство было страшное количество мухъ, какого я нигдѣ не видывалъ: мухи летали цѣлыми роями по комнатамъ и отъ нихъ чернѣли бѣлыя скатерти на столахъ; поэтому во время чая, завтрака или обѣда деревенскіе мальчишки стояли у стола и махали большими вѣтками.

Въ Воробьевкѣ встрѣтилъ я философа Владимира Сергѣевича Соловьева, гостившаго у Фетовъ, и вмѣстѣ съ нимъ вернулся въ Москву. Изъ Воробьевки же А. А. Фетъ прислалъ моей сестрѣ Ольгѣ слѣдующее стихотвореніе:

Спасибо вамъ, мы вспоминаемъ
Вашъ рѣзвый смѣхъ, съ умомъ живымъ.
Безъ васъ и Май бы не былъ Маемъ
И старый паркъ бы былъ инымъ.
И не перила лишь пестрили
Вы разноцвѣтной чередой,
А всю весну для насъ увили
Вы лентой нѣжно-голубой.

*) А. А. Фетъ владѣлъ тремя имѣніями: Воробьевкой (Курской губерніи, Щигровскаго уѣзда), Ольховаткой (той же губерніи и того же уѣзда) и Грайворонкой (Воронежской губерніи, Землянскаго уѣзда). По смерти А. А. и М. П. Фетовъ Ольховатка и Грайворонка перешли къ ихъ племянницѣ Ольгѣ Васильевнѣ Галаховой, а Воробьевка къ племянникамъ Петру Дмитріевичу и Сергѣю Дмитріевичу Боткинымъ.

Не только мы, и чай „Колдунья“
 Не разъ вздохнетъ подъ сѣдкомъ:
 Зачѣмъ на мнѣ не та летунья,
 А этотъ неподъемный комъ.
 Adieu! счастливо оставаться.
 Июньскій зной у насъ насталъ,
 И хоть и лѣнь за дѣло вѣзаться,
 Но Gartenlaube къ вамъ послалъ.

Въ 1883 году мой отецъ вмѣстѣ съ моей сестрой Ольгой купили у Василя Ивановича Лужина, сына бывшаго Московскаго оберъ-полицеймейстера, имѣніе Безсоновку, находящееся въ Курской губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда, въ 7-ми верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи „Веселая Лопань“. Вмѣстѣ съ А. И. Юстомъ ѣздилъ я совершать купчую въ Курскъ. Тамъ мы остановились въ лучшей гостинницѣ Монтрезора. Какъ большая часть Русскихъ гостинницъ, такъ и эта оказалась довольно грязноватой: Въ Курскѣ на главной площади смотрѣли мы Русскаго Блондена, ходившаго по канату, натянутому поперекъ площади на значительной высотѣ.

Въ Безсоновкѣ находились барскій домъ съ садомъ, съ небольшимъ прудомъ, со службами, амбарами и скотнымъ и птичьимъ дворами. Какъ въ Малороссіи, бѣлѣли мазанки сосѣдняго села. Мѣстность вокругъ Безсоновки преимущественно степная, черноземная; кое-гдѣ сохранились еще небольшіе дубовые лѣса. Ближайшее отъ Безсоновки имѣніе принадлежало генералу Озерову. Въ 12-ти верстахъ находилось имѣніе поэта К. К. Случевского, а въ 18-ти верстахъ слобода Борисовка, нѣкогда принадлежавшая фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву. Теперь Борисовка принадлежит графу А. Д. Шереметеву*). Осенью изъ Борисовки тянулись мимо Безсоновки воза съ яблоками. Барскій домъ въ Безсоновкѣ былъ купленъ у Лужина вмѣстѣ съ мебелью; между прочимъ тамъ находились два большіе масляные портрета: одинъ императора Петра Великаго (копія съ Натѣ), а другой—Николая I, подаренный самимъ императоромъ оберъ-полицеймейстеру Лужину. Эти портреты сестра подарила мнѣ. Въ Безсоновкѣ бывалъ я нѣсколько разъ, а также въ Бѣлгородѣ, гдѣ мы съ Александромъ Ивановичемъ останавливались въ грязныхъ номерахъ Шепелева. Въ Бѣлгородѣ сдѣлалъ я съ А. И. Юстомъ визитъ семейству Слатиныхъ, въ которомъ были двѣ взрослыя дочери; одна изъ нихъ, болѣе красивая, вышла потомъ замужъ за Москвича Владимира Владимировича Коншина. Сдѣлали мы также визитъ предсѣдателю Бѣлгородской земской управы

*) Во время беспорядковъ 1905—1906 гг. Борисовка была разграблена и вся усадьба сожжена. Погибъ въ огнѣ и домикъ Петра Великаго.

Говорухъ-Отроку, очень почтенному старику. Въ Бѣлгородѣ же мы ходили въ клубъ, гдѣ ѣли бекасовъ и пили Шампанское. Въ клубѣ я познакомился съ Бѣлгородскимъ уѣзднымъ исправникомъ Павломъ Александровичемъ Сивохинымъ и съ нѣсколькими артиллерійскими офицерами, батареи коихъ стояли въ Бѣлгородѣ.

Въ Безсоновкѣ Юсты жили въ то время только наѣздомъ, большую же часть года они проводили въ Новотаволжанкѣ (тоже Бѣлгородскаго уѣзда), гдѣ на берегу Сѣвернаго Донца находится свеклосахарный заводъ Боткиныхъ. Не разъ гащиваль я у Юстовъ и въ Новотаволжанкѣ. Напротивъ Новотаволжанки находилось имѣніе графа Гендрикова „Напрасное“, съ барскимъ домомъ и громаднымъ паркомъ. Изъ Новотаволжанки ѣздилъ я съ Александромъ Ивановичемъ въ ближайшій городъ Волчанскъ и въ нѣкоторыя имѣнія: въ Шебекино, принадлежавшее генералу Ребиндеру, гдѣ тоже былъ свеклосахарный заводъ и гдѣ имѣніемъ управлялъ извѣстный мѣстный дѣятель Краинскій; въ Графское, имѣніе одного изъ графовъ Гендриковыхъ, съ барскимъ домомъ, конскимъ заводомъ и вѣковымъ дубовымъ лѣсомъ; въ Тихій Хуторъ, купленный Д. П. Боткинымъ, съ прекраснымъ барскимъ домомъ на берегу рѣки Волчей и съ великолѣпнымъ видомъ на окрестности *).

Въ сырую погоду ѣздили мы, гдѣ возможно, песками, а гдѣ приходилось ѣхать черноземомъ,—колеса экипажа сильно вязли и ѣхали съ трудомъ. Разъ поздней осенью, когда уже стемнѣло мы сбились съ дороги; пришлось зажечь фонарь и искать дорогу, которая оказалась перекопанной; въ концѣ концовъ пріѣхали къ какой-то помѣщицѣ, гдѣ были очень радушно приняты.

Ѣздилъ я съ Александромъ Ивановичемъ также на свекловичныя плантаціи и смотрѣлъ, какъ бабы выкапываютъ свеклу. Близъ одной такой плантаціи находился хуторъ, мимо котораго намъ пришлось проѣзжать. Поровнявшись съ домикомъ, вдругъ увидали, къ нашему удивленію, стоящую на крылечкѣ красивую молодую даму въ изящномъ модномъ нарядѣ; странно было видѣть это, среди свекловичныхъ плантацій, а дѣло оказалось очень просто: на хуторѣ жила мать этой дамы, пріѣхавшей изъ Харькова ее навѣстить.

Въ 1881 году состоялась свадьба моей сестры Надежды, вышедшей за товарища прокурора Тульского окружного суда Александра Аристіоновича Мяенова. Въ этомъ же году братъ Николай ушелъ изъ

---

*) Александръ Ивановичъ Юстъ, замѣчательный сельскій хозяинъ, между прочимъ развелъ въ Безсоновкѣ, Новотаволжанкѣ и Тихомъ Хуторѣ виноградъ, который отлично созрѣваетъ.

нашей фирмы и поступилъ директоромъ въ Даниловскую мануфактуру; изъ отцовскаго дома онъ переѣхалъ на квартиру въ домъ Юліи Адалъбертовны Воейковой, напротивъ храма Христа Спасителя.

Въ 1884 году женился мой братъ Сергѣй на Лидіи Григорьевнѣ Кореновой, а въ 1887 году вышла замужъ моя сестра Антонина за Алексѣя Ильича Лагодина. Въ 1889 году вышли замужъ двѣ мои двоюродныя сестры: Елисавета Дмитриевна Боткина за инженера путей сообщенія Константина Густавовича Дункера, и Надежда Петровна за художника Илью Семеновича Остроухова. Въ томъ же году скончались: моя тетка Софья Сергѣевна Боткина, а вскорѣ за ней и ея мужъ Дмитрій Петровичъ; а затѣмъ умеръ въ Ниццѣ дядя Сергѣй Петровичъ Боткинъ*).

Въ 1882 году отецъ купилъ домъ князя Трубецкаго въ Большомъ Знаменскомъ переулкѣ, заплативъ за него всего 160 тысячъ рублей, при чемъ одной земли при домѣ имѣлось болѣе десятины. Въ 1883 году домъ этотъ былъ сданъ внаймы графу Клейнмихелю за 6 тысячъ рублей въ годъ; но графъ въ немъ не жилъ, и домъ простоялъ пустымъ цѣлый годъ. Въ 1884 году домъ нанялъ за ту же цѣну В. Д. Коншинъ; а въ 1885 году 7 Апрѣля въ домово́й церкви этого дома вѣнчался Владимиръ Владимировичъ Коншинъ съ Марьей Николаевной Слатиной, съ которой я познакомился еще въ Бѣлгородѣ.

Мнѣ пришлось дважды быть присяжнымъ засѣдателемъ въ Московскомъ Окружномъ Судѣ: въ 1886 и 1888 годахъ. Предсѣдательствовали на засѣданіяхъ суда обыкновенно Рингъ и Рынкевичъ. Рингъ говорилъ плавно и хорошо резюмировалъ дѣла. Былъ онъ однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей „Салона-де-Варьетъ“. Потомъ Рингъ вышелъ въ отставку и сталъ заниматься адвокатурой. Рынкевичъ, суетливый и бойкій, любилъ обрывать слишкомъ болтливыхъ адвокатовъ. Зимой онъ ходилъ въ лѣтнемъ пальто и спалъ съ открытымъ окномъ.

Въ память ярмарочныхъ обѣдовъ у Никиты Егорова участники оныхъ стали разъ въ мѣсяцъ собираться обѣдать въ „Славянскомъ Базарѣ“, въ отдѣльной залѣ. Главный инициаторъ этихъ обѣдовъ былъ В. С. Перловъ, который заботился, чтобы на нихъ присутствовалъ также женскій элементъ. Василій Семеновичъ былъ въ своемъ родѣ Донъ-Жуанъ, но мало разборчивый: красивыя или некрасивыя, молодыя или старыя, актрисы или горничныя казались ему одинаково хороши.

Однажды вечеромъ В. С. Перловъ затащилъ меня къ моему родственнику Воронину, котораго я совсѣмъ не зналъ. Жилъ Воронинъ

*) Въ 1869 году скончались три мои дяди: Иванъ, Николай, и Василій Петровичъ Боткины.

у Страстного монастыря, въ домѣ, принадлежавшемъ раньше извѣстному Московскому гастроному Рахманову. Войдя въ первую комнату, мы увидали Алексѣя Сергѣевича Мазурина*), дирижировавшаго струннымъ оркестромъ вмѣсто капельмейстера, тутъ же стоявшаго. Въ слѣдующей комнатѣ никого не было; затѣмъ, посрединѣ небольшой комнаты стоялъ круглый столъ и на немъ громадная корзина съ фруктами; и въ этой комнатѣ не было ни души. Наконецъ, въ послѣдней комнатѣ шла азартная игра: на столѣ лежали кучи кредитныхъ билетовъ, самъ Воронинъ держалъ банкъ, и было нѣсколько человѣкъ гостей.

По праздникамъ В. С. Перловъ любилъ устраивать у себя въ домѣ, на 1-й Мѣщанской, завтраки, на которыхъ присутствовали статскіе и военные. Послѣ завтрака ктонибудь изъ гостей игралъ на фортепьяно или пѣлъ. Въ особенности отличался недурно игравшій и пѣвшій племянникъ министра иностранныхъ дѣлъ, Гирсъ, о которомъ В. С. Перловъ говорилъ, что „его дядя занимаетъ постъ министра, а онъ занимаетъ деньги“, намекая на привычку Гирса просить денегъ займа. Гирсъ пѣлъ „Подъ душистою вѣткой сирени“ и другіе романсы.

У В. С. Перлова было два брата. Иванъ Семеновичъ, владѣлецъ образцовой фермы подъ Москвой, говорилъ лишь о бычкахъ, курахъ, уткахъ и другихъ домашнихъ животныхъ. Толстогузый Николай Семеновичъ, напоминавшій барскаго гучера, постоянно рассказывалъ Армянскіе анекдоты. Иванъ Семеновичъ и Василиій Семеновичъ были холостые, а Николай Семеновичъ женатъ на Марьѣ Кузьминишнѣ Усачевой; онъ жилъ въ одномъ домѣ съ Василиемъ Семеновичемъ, только въ другой половинѣ, и устраивалъ у себя обѣды, на которые любилъ приглашать полиціймейстеровъ, приставовъ и протодьяконовъ. Живя близъ Сухаревой башни, Николай Семеновичъ былъ всегдашнимъ посѣтителемъ тамошняго воскреснаго рынка, гдѣ покупалъ всевозможныя вещи, старыя и новыя.

*) А. С. Мазуринъ — извѣстный любитель-фотографъ, превосходно снимавшій.